Sine ira et studio

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

2 АПРЕЛЯ 1991 г.
№ 40

ЦЕНА 40 КОП.

Коротко

Центристский блок продолжает работу!

ВЧЕРА В РЕДАКЦИЮ пришел представитель Центристского блока и передал заявление, в котором, в частности, говорится:

«30 марта 1991 года «Независимая газета» опубликовала информацию о том, что Центристский блок прекратил свое существование (со ссылкой на агентство «Интерфакс»). В связи с этим мы заявляем: 1. Информация «Интерфакса» не соответствует действительности. Центристский блок продолжает свою работу. 2. В опубликованной информации идет ссылка на заседание Левоцентристского блока. Вынуждены заметить — девяти учредителей Центристского блока не существовало. Учредителей-организаций было и есть два. В составе блока — основные члены и наблюдатели. Они определяют свое членство самостоятельно, и состав блока меняется. Высказывания Левоцентристского блока — его собственное дело. Но мы категорически осуждаем вмешательство ЛЦБ в дела другой организации.

В документе выражается протест редакции «НГ», а также надежда, что «наше заявление будет ею напечатано».

«НГ»

Собчак критикует российское правительство и хвалит Павлова

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Ленсовета, народный депутат СССР Анатолий Собчак подверг критике российское правительство. «В течение четырех месяцев, — сказал он в беседе с журналистами в перерыве заседаний третьего внеочередного съезда народных депутатов РСФСР, — я не могу провести через Министерство финансов, Министерство юстиции и республиканские комитеты документы о создании в Ленинграде свободной экономической зоны. Это плохо характеризует российские структуры государственной власти. На союзном уровне дела двигаются гораздо быстрее».

По мнению председателя Ленсовета, многие российские проблемы не решаются прежде всего по политическим мотивам. Тот или иной председатель парламентской комиссии или министр считает, что свободные экономические зоны не нужны, и отметает все варианты, не согласующиеся с его позицией. Собчак привел пример, как в течение двух дней удалось договориться с премьер-министром СССР Валентином Павловым о преобразовании ПО «Кировский завод» в акционерное общество.

«РИА»

Президент размышляет в одиночестве!

ИЗ КРУГОВ, близких к вице-президенту и аппарату президента, стало известно, что последние дни Михаил Горбачев предпочитает уединение и все решения принимает единолично. Президентское окружение несколько обеспокоено этим обстоятельством.

«НГ»

Коротко

• ЦЕНЫ ПОВЫШЕНЫ, НО СУМБУР В ЭКОНОМИКЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
• ЕЛЬЦИН ПЕРЕХОДИТ В РЕШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ
• ОТСТАВКИ ГОРБАЧЕВА ЖДУТ И ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ

В НОМЕРЕ:

• ИВАН ПОЛОЗКОВ: «НИКТО ИЗ НАС НЕ ДОЖИВЕТ ДО КРАХА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» стр. 2

• ПО ПРОСЬБЕ МГК КПСС КУРГИНЯН СПАСАЕТ ОТЕЧЕСТВО стр. 4

ЕЛЬЦИН ОБЪЯВИЛ СВОЮ ПЕРЕСТРОЙКУ

И, похоже, побеждает на съезде, задуманном для его свержения

Сергей Пархоменко

ПЯТИДЕСЯТИТЫСЯЧНЫЙ контингент армии и милиции, развернутый в Москве 28 марта, если и обеспечил кому-то действительно надежную защиту, так прежде всего Борису Ельцину. Первые часы внеочередного съезда народных депутатов РСФСР, когда демократическому блоку удалось добиться официального осуждения чрезвычайных мер по поддержанию порядка в столице, создали сторонникам Ельцина мощное моральное превосходство, сместили в выгодную для них сторону опасное равновесие расклада голосов и в конечном итоге сделали вопрос о недоверии председателю Верховного Совета республики совершенно нефиктуальным.

Неуклюжее озлобление опять сослужило противникам Ельцина плохую службу. И красноречивым символом поражения стало пустующее кресло в гостевой ложе Большого зала Кремлевского дворца, где, вопреки твердо устоявшемуся протоколу, не появился в первые дни съезда ни Михаил Горбачев (он предпочел присутствовать на всеармейской конференции коммунистов, которые, по слухам, встретили его очень негостеприимно), ни даже Геннадий Янаев или Анатолий Лукьянов. А ведь они, думаю, не отказали бы себе в удовольствии понаблюдать за расправой над тем, кого нынешний президент однажды уже обещал «не пустить больше в политику».

Борис Ельцин, напротив, довольно решительно и умело распорядился нежданно врученной ему дополнительной инициативой. Намерение «занять на съезде наступательную позицию», что он высказал в интервью, приуроченном к референдуму 17 марта, вполне реализовалось в полуторачасовом докладе. Инициаторы съезда, требовавшие недавно смиренного «отчета председателя», выслушали его атакующую речь, должно быть, с тоской, а то и отчаянием. И правда: могли ли они еще вчера предположить, что их, казалось, такой коварный и неожиданный выстрел даст вдруг отдачу, как от довского ружья, которое сшибает с ног самого охотника...

В кулуарах съезда приходилось слышать, как только что произнесенный доклад депутаты называли и «тронной речью», и «предвыборным президентским манифестом». Здесь же родилось «мнемотехническое» наименование этого программного документа, вполне отражающее его внутреннюю логику, структуру: «5—7—9».

Пять — по числу намеченных Ельциным ключевых социально-политических проблем, решению которых подчинена вся его программа.

Семь — по числу основных направлений экономической реформы, открывающих путь к этим глубинным преобразованиям в обществе.

Такой перечень не назовешь ни неожиданным, ни особенно оригинальным. Можно было бы говорить и о чрезмерной его декларативности, о слишком общих формулировках, — если бы он не являлся, по сути, обращением к толстенному тому, распространенному в тот же день среди участников съезда, озаглавленному «Программа стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям в РСФСР». И центральные тезисы разработанной республиканским Совмином программы были приведены Борисом Ельциным лишь в качестве базы для пакета политических инициатив: «Раньше (осенью прошлого года) мы исходили из того, что такая программа может быть реализована действующими политическими структурами. Теперь ее отличительная особенность в том, что она органически включает в себя решительные изменения организации центральной и республиканской системы политической власти и управления. Это необходимые условия осуществления реформы». Именно они обозначены в «кодовом» названии доклада **девяткой**.

Что предполагает сам Ельцин выложить на «круглый стол», к которому он призывает различные политические партии и общественные объединения? Насколько широкой видится ему «демократическая коалиция» партий, «включая прогрессивно мыслящих членов КПСС»? Какими средствами собирается он обеспечить «немедленный мораторий на несогласованное законотворчество разных уровней законодательной власти»?

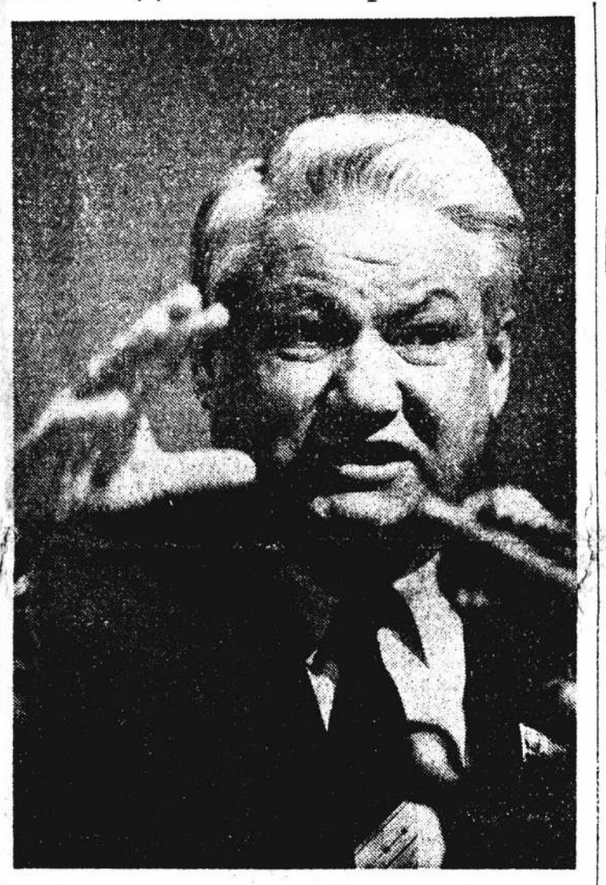
На эти вопросы — и те, что относятся к другим элементам выдвинутой Борисом Ельциным политической программы, — нам поможет ответить анализ его практических шагов в ближайшем будущем. Наиболее же принципиальное свойство «пакета» в целом очевидно уже сегодня: границы Российской Федерации для него тесны. И если мы действительно выслушали «предвыборный манифест» претендента на президентский пост, то пост этот отнюдь не республиканского масштаба.

По сути, Ельцин предложил программу «своей перестройки». И не случайно предложению этому предшествовала критика политической линии, реализованной в масштабах всего Союза, а отнюдь не только России. Горбачевские политические реформы он оценил как «тактический прием, цель которого — сформировать послушную марионеточную демократию», утверждая, что «мы имели дело не с перестройкой, а скорее с последней фазой застоя».

Привычное противостояние Ельцина Горбачеву вроде бы делает такую идеологию новой российской политической программы вполне естественной и ожидаемой. Но ведь рождается она в момент, когда шансы Ельцина добиться утверждения института президентства и оказаться первым лидером, избранным не в результате той или иной более или менее «демократически оформленной» аппаратной процедуры, а в ходе всенародного голосования, — сохраняют реальность. И когда все ельцинские «пятерки», «семерки», «девятки» оказываются, по правде говоря, лишь ступенями к покоящемуся на широчайшей социальной базе и обеспеченному бесценной для его авторитета поддержкой избирателей ПЕРВОМУ ПОСТУ в государстве. Как бы этот пост ни назывался.

Надо ли объяснять, насколько серьезна и тревожна для сторонников Ельцина потеря, понесенная ими при утверждении повестки дня съезда. Тем более обидная потеря, что нелепая, необъяснимая — в момент, когда симпатии зала были на их стороне.

И создается такое впечатление, будто немалая часть депутатов и в самом деле не обратила внимания тогда на принципиальнейшее различие между двумя предлагавшимися формулировками: «об итогах референдума» и «о референдуме и реализации его итогов». Что именно понимают под «реализацией» демократы, они недвусмысленно продемонстрировали, распространив в первый день съезда проект закона о внесении в Конституцию комплекса поправок, обеспечивающих введение президентского поста в республике. Итоги всенародного голосования дают ведь все основания для такой инициативы.



Излишняя самоуверенность, а может быть, простая несобранность, демократов была жестоко наказана. И стоила им вчера вечером мучительного и бесплодного скандала. Стоила сбивчивой и запальчивой пресс-конференции, изобиловавшей угрозами блокировать съезд бойкотом голосований, потребовать его роспуска и новых выборов.

Все вылилось в запутанную процедуру многоэтажного рейтингового голосования по пяти вариантам выхода из тупика взаимной непримиримости. Четкого итога это состязание хитрости с упорством так и не получило...

В случае окончательной неудачи с президентством на этом съезде исправить ошибку можно будет только ценой проведения нового референдума — с прямым вынесением на голосование необходимых поправок к

(Окончание на 2-й стр.)

ПЕРЕСТРОЙКА БОРИСА ЕЛЬЦИНА

Сегодня нужно вернуть нашему народу:

1) Экономические и политические права и свободы.

2) Возродить во многом утраченные национальные культуры народов России, обеспечить восстановление многоплановых связей с российским зарубежьем.

3) Создать условия для возвращения России в систему мирового рынка и мировой культуры.

4) Ликвидировать уродливую систему господства многочисленных министерских монополий, хозяйственных структур, обеспечить решительный приоритет отраслям, работающим на потребление, повышение уровня жизни.

5) Преодолеть последствия тяжелейших экологических катастроф, предотвратить новый экологический ущерб, по-прежнему угрожающий многим территориям России.

В стране к настоящему времени четко обозначились два противоположных по направленности политических курса:

первый — это курс на осуществление стратегии глубоких преобразований во всех сферах жизни;

— демонтаж политического и идеологического монополизма одной партии, развитие институтов демократии;

— создание и укрепление эффективных механизмов социальной защиты человека, проведение социальной политики, направленной на раскрепощение активности человека, его инициативы и творчества;

— и, наконец, это курс на проведение открытой внешней политики.

Другой, противоположный по характеру политический курс — это не что иное, как возвращение политики, которая проводилась до апреля 1985 года и нанесла огромный ущерб России. Этот курс способен лишь обеспечить безрадостное сегодняшнее существование или его ухудшение.

Основные программные принципы и направления нашей работы:

1. Обеспечить жизнеспособность рубля, стабилизировать покупательную способность денег путем резкого ужесточения финансовой политики, максимально возможного сокращения дефицита консолидированного бюджета различных уровней. Раскрыть, наконец, перед общественностью реальное положение с бюджетом.

2. Незамедлительно сформировать новые рыночные структуры, обеспечивающие снабжение материальными ресурсами как свободные секторы экономики, так и тех, кто особо нуждается в поддержке вследствие быстрого развала хозяйственных связей — военно-промышленный комплекс, сложные высокотехнологические отрасли производства.

3. Предоставить реальную хозяйственную самостоятельность предприятиям, активно развернуть на законодательной основе разгосударствление и приватизацию. Обеспечить реальную поддержку частного сектора.

4. Принципиально важно уже в апреле этого года иметь концепцию согласованной, гибкой политики либерализации цен. Переход к свободным ценам должен осуществляться поэтапно с учетом складывающейся на рынке ситуации, но в достаточно короткий срок.

Не менее важными остаются: эффективная государственная структурная политика — поддержка базовых отраслей и экспортного потенциала;

— формирование действительно независимой двухуровневой банковской системы в стране и образование резервной системы;

— широкое осуществление земельной реформы и последовательная реорганизация сельскохозяйственного производства;

— создание всех необходимых условий для иностранных инвестиций в различных формах;

— реализация социальной политики, учитывающей реальную ситуацию.

На союзном и республиканском уровнях необходимо выполнение следующих политических условий:

1. Немедленное начало диалога всех политических сил и профессиональных объединений всех республик на принципах «круглого стола».

2. Формирование широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений.

3. Официальный отказ от применения силы, в том числе военной, как средства политической борьбы.

4. Развитие системы прямого народовластия, реализации решений союзного и республиканского референдумов.

5. Реальная департизация органов прокуратуры, юстиции, КГБ, армии, государственного аппарата; запрет на совмещение партийных должностей с руководящими должностями в органах власти и управления, в том числе и для президента страны.

6. Введение системы разделения властей, как начало строительства правового государства. Немедленный мораторий на несогласованное законодательство, разных уровней законодательной власти.

7. Отмена всех неконституционных решений союзных и республиканских органов, ущемляющих политические, экономические, социальные и личные права и свободы граждан, создание эффективной системы гарантий их обеспечения.

8. Реальное обеспечение политического плюрализма, гарантии многопартийности.

9. Создание условий для реализации конституционного права граждан на достоверную информацию, обеспечение независимости средств массовой информации.

Кроме того, на союзном уровне потребуется:

1. Немедленное создание коалиционного правительства народного доверия и национального согласия.

2. Скорейшее подписание открытого для присоединения Договора о Союзе суверенных государств как федеративного добровольного и равноправного объединения. Незамедлительное формирование новых органов Союза.

На российском уровне необходимо:

1. Введение института президентства. Реорганизация системы исполнительной власти.

2. Закрепление основных начал национально-государственного устройства Российской Федерации.

3. Немедленное снятие политической, правовой и информационной блокады в отношении российского парламента и правительства, прекращение практики дискредитации законно избранных органов власти и управления РСФСР.

Владимир Молчанов — талантливый журналист, но в Южную Африку его посылать не следует

Так решил Африканский национальный конгресс. И Гостелерадио подчинилось этому решению

Скандал

ПУБЛИКУЕМЫЙ ниже документ проливает свет на природу гласности — этой управляемой политики, использующей свободу информации в определенных интересах. Порой мы думаем, что наложить ограничение на профессиональную деятельность советских журналистов имеют право только советские же функционеры, особенно со Старой площади. Оказывается, что и они подвержены давлению и очень мощного политическому влиятельного политического лобби в лице представителей «мирового революционного движения». Какое это имеет отношение к национальным интересам нашей страны и ее граждан — пусть судят дипломаты и народные депутаты СССР. Мы же просто публикуем документ, не нуждающийся, на наш взгляд, в каких-либо дополнительных комментариях. Группа В. Молчанова в Южную Африку не поехала.

«НГ»

AFRICAN NATIONAL CONGRESS
(South Africa)
Permanent Mission to USSR

ANC

MOSCOW 122047
Smolenskaya Sq. 28
5th Floor

TEL: 252 32 95

04 марта 1991 г.

Тов. КРАВЧЕНКО Л.П.
Председателю Всесоюзной
телерадиовещательной компании.

Постоянное Представительство Африканского Национального Конгресса (АНК) Южной Африки свидетельствует свое уважение Всесоюзной Государственной телерадиовещательной компании и имеет честь сообщить следующее.

По имеющейся у Представительства АНК информации в марте с.г. предполагается визит в Южную Африку съемочной группы передачи "До и после полуночи" во главе с В.Молчановым.

Африканский национальный конгресс (Южная Африка)
Постоянное представительство в СССР

04 марта 1991 г.

Тов. Кравченко Л. П.

Председателю Всесоюзной телерадиовещательной компании.

Постоянное представительство Африканского национального конгресса (АНК) Южной Африки свидетельствует свое уважение Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании и имеет честь сообщить следующее.

По имеющейся у представительства АНК информации в марте с. г. предполагается визит в Южную Африку съемочной группы передачи «До и после полуночи» во главе с В. Молчановым. АНК приветствует поездки иностранных журналистов в ЮАР для освещения истинного положения дел в нашей стране. Мы, тем более, приветствовали бы посещение Южной Африки советскими тележурналистами, поскольку телевидение СССР наиболее активно поддерживает нашу борьбу тогда, когда ряд советских газет и журналов начали искажать характер событий в Южной Африке.

Однако у нас вызывает определенное беспокойство тот факт, что эта поездка предполагается по приглашению (и очевидно, за счет) одной из южноафриканских телекомпаний. Многолетний опыт, особенно широко известный информационный скандал «мюльдергейт», показывает, что правительство ЮАР активно использует приглашение иностранных журналистов с предоставлением им различных услуг (в том числе и через третьи организации), чтобы влиять на мировое общественное мнение.

Мы испытываем опасение, что поездка группы В. Молчанова на упомянутых условиях может привести к одностороннему, искаженному освещению сегодняшнего положения дел в нашей стране, может быть использована правительством ЮАР в собственных пропагандистских целях. Имеется очень много данных о том, что ЮАР делает сейчас особый акцент на попытке воздействовать на общественное мнение в СССР.

Нашу озабоченность вызывает тот факт, что В. Молчанов — безусловно талантливый журналист — не является специалистом по Африке или даже по развивающимся странам. В нынешней чрезвычайно сложной и запутанной ситуации (процесс урегулирования находится на самой начальной, крайне хрупкой стадии) визит В. Молчанова в Южную Африку несомненно будет использован как против АНК, так и против давних отношений дружбы между АНК и СССР.

Подтверждая Центральному телевидению СССР нашу глубокую признательность за поддержку массового демократического движения в нашей стране, мы отмечаем, что в нынешних условиях Южной Африки поездка группы В. Молчанова могла бы иметь серьезный отрицательный эффект, и просим Вас приостановить эту поездку и перенести ее на более поздний срок, когда основные параметры урегулирования обретут более определенный характер.

Тэмба Табете, исполняющий обязанности главы представительства АНК в СССР (подпись, печать)

Письмо имеет входящий номер Гостелерадио — № 134 от 6.03.91. На письме имеются две резолюции:

«т. Лазуткину. Надо учесть просьбу. Кравченко».

«т. Какучая О. В. Решите с учетом изложенных политических аспектов. С уважением. Лазуткин. 13. 03. 91».

Кравченко «режет» Шеварднадзе

Как всегда, телезрителям «Орбиты» повезло больше, чем москвичам: интервью Эдуарда Шеварднадзе в передаче «До и после полуночи» они увидели полностью. В Москве было иначе — за час до эфира Леонид Петрович Кравченко приказал «вырезать» из интервью Шеварднадзе его недоумение по поводу закрытия «Взгляда» и разгона ТСН.

Очень не нравится, когда ругают.

Игорь КНЯЗЕВ.

ПОЛИТИКА

ЕЛЬЦИН ОБЪЯВИЛ СВОЮ ПЕРЕСТРОЙКУ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Конституции, либо нового съезда. Понимая это, инициативные группы из числа представителей «ДемРоссии» уже ведут сбор подписей под соответствующими заявлениями.

Не менее трудно мне объяснить легкость, с которой съезд принял в воскресенье — без всякого обсуждения — постановление, посвященное конфликту в Южной Осетии. Верховный законодательный орган России «просит Верховный Совет Грузинской Республики принять решение о восстановлении государственного статуса Юго-Осетинской автономной области»; предлагает грузинскому правительству и парламенту принять меры для прекращения блокады области; наконец, требует освободить арестованного лидера Южной Осетии Кулумбегова. Вполне справедливые эти требования приобретают, впрочем, характер ультиматума, поскольку выполнение их выдвигается в качестве категорического условия для начала переговоров между Москвой и Тбилиси о заключении межреспубликанского соглашения. Таким образом сводятся на нет договоренности, достигнутые руководителями России и Грузии в ходе их недавней встречи в Казбеги. Или это и есть скрытая задача постановления? Но тогда есть все основания опасаться, что вопиющая непоследовательность станет поводом для резкого охлаждения в отношениях между двумя республиками.

А самым большим сюрпризом выглядит высказанное здесь же обращение к Президенту СССР и Совету Федерации Союза с предложением «принять чрезвычайные меры» по урегулированию конфликта. Апелляция к силовому давлению Центра кажется мне просто-напросто безответственной.

И уж тем более нелогичным выглядит почти единогласное одобрение «процентристского» документа (всего 14 голосов «против»!) на фоне развернувшихся прений, в которых тема избыточности полномочий Центра, и в частности Президента СССР, звучит как никогда настойчиво. Даже возглавляющий на этом съезде антиельцинскую группировку Владимир Исаков позволил себе саркастически заметить, что с удовольствием доверил бы президенту «любой дипломатический пост»...

Дело тут, разумеется, не в заговоре «экстремистов справа и слева» против «взвешенной центристской позиции». Справедливости ради скажем, что, быть может, не реже проявляется здесь точка зрения тех, кто склонен поровну разделить ответственность за кризис в обществе и хозяйстве страны между обоими лидерами, не реже слышны намеки, а то и открытые призывы к одновременной отставке «Бориса Николаевича и Михаила Сергеевича».

Скорее всего, просто уходит в прошлое философия безальтернативности в отечественной политике, стереотип единственной идеи, единственного пути, единственного вождя. Российские парламентарии заглядывают в завтра и испытывают все меньше страха, не найдя там Горбачева. Президенту, видимо, следует отнестись к такому психологическому повороту как к реальному фактору актуальной политической ситуации. Это, конечно, нелегко. Еще труднее, наверное, привыкнуть к мысли, что в этом «завтра» России многие по-прежнему обнаруживают Ельцина.

СОЦИАЛИЗМ КАК ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

XX век—век распада последних империй. События в СССР—завершающий этап этого неизбежного процесса

Владимир Гурвич

Союз?

ЕЩЕ НИ ОДНА империя не уходила в небытие мирно и спокойно. И последняя империя собирает кровью свою последнюю дань с народов за обретение ими свободы.

То, что Советский Союз имеет основные родовые черты империй, не вызывает сомнений. В то же время он обладает своими отличительными особенностями. Причем они являются порождением не только «реального социализма», но унаследованы от царской России.

На одном из митингов в поддержку великодержавной целостности был такой лозунг: «Если СССР — империя, где его колонии?» Не знаю, понимали ли авторы транспаранта, к какой сложной и глубокой проблеме они прикоснулись. Но в любом случае сама мысль показалась мне весьма симптоматичной, в лаконичном виде отразившей то противоречие, которое составляет стержень российско-советской имперской системы.

Действительно, Россия никогда не имела колониальной структуры в классическом понимании этого слова. Древний Рим или Англия, приходившие с помощью силы оружия, обмана или дипломатических интриг на новые земли, всегда подчиняли их интересам метрополии и ее народа. На практике это выливалось в беззастенчивый грабеж, откровенную перекачку богатств с одной территории на другую. Российская территориальная экспансия никогда не носила напрямую такого характера, хотя это вовсе не означает, что она была бескорыстной. Безусловно, преследовались и экономические, и политические цели, и все же не они определяли суть проводимого курса. Главная задача заключалась в ином — в расширении границ государства. Древний Рим или Англия всегда оставались Римом и Англией, они до последней возможности сберегали свою национальную обособленность. Вспомним хотя бы многовековую борьбу римских провинций за право получения римского гражданства. Или английские эмиграционные законы, препятствующие проникновению в метрополию людей не англосаксонского происхождения. Что интересно: подобная дискриминация проводилась даже по отношению к соплеменникам, переселившимся в далекие края. Именно эта политика заставила в конце концов американских вольнопоселенцев взяться за оружие и перерезать пуповину, соединяющую их с альма матер.

Иная ситуация складывалась в России. Здесь народы жили бок о бок, и рано или поздно все они получали российское гражданство. При всем политическом и экономическом неравенстве здесь не было такой непримиримой границы между метрополией и подчиненными территориями. И если в любой колониальной империи всегда существовала нация, получающая основные дивиденды от колониальной политики, то в России ее практически не было. Не вызывает сомнений, что связующим звеном империи был и есть русский народ, именно на его костях и его трудами раздувалась, словно накачиваемый шар, держава. Но пользовался ли он плодами такой политики? Скорее наоборот, именно русские несли основную тяжесть имперского курса, они являлись его главной жертвой и заложниками. Причем дело доходило до абсурда: окраины получали подчас больше прав и свобод, нежели метрополия. Вспомним конституцию, дарованную Александром I Царству Польскому, или особый статус Великого княжества Финляндского. А в это время на исконно русских землях разворачивалась сеть военных поселений и свертывались последние либеральные реформы.

В чем причина такого явления? На мой взгляд, она состоит в том, что на определенном этапе в стране стала формироваться такая система власти, которая сегодня получила короткое наименование Центр. Почему это произошло — вопрос отдельный. В реальности это приводило к тому, что постепенно стал намечаться разрыв между интересами Центра и интересами русского народа и русской государственности. Складывалась собственная великодержавная политика, питаемая собственными великодержавными амбициями. Сейчас идет много споров о сути русской национальной идеи. Не углубляясь в метафизические высоты проблемы, хочу сказать следующее: в сфере политики произошла подмена национальной идеи идеей имперской. Не случайно Петр I основал новую, типично европейскую столицу: сознательно или подсознательно он стремился вырваться из плена сугубо национальных интересов и подняться на другой уровень — общемировой, стать членом закрытого и очень престижного клуба великих держав.

И можно было бы только приветствовать это желание — никто не сомневается в том, что русский народ — великий народ, если бы не одно обстоятельство: речь шла не о возвеличивании русского народа, пребывающего в рабстве, а о возвеличивании российской державы. Именно эта тенденция и стала определяющей для Центра на многие столетия. Развитие происходило не вглубь, а вширь, на освоение новых территориальных приобретений растрачивались гигантские силы и средства, в то время как исконные русские земли приходили в упадок. То же самое было характерно и для внешней политики: на поддержание статуса великой державы мобилизовывались все имеющиеся ресурсы государства. Даже сейчас, когда разваливается экономика, мы продолжаем вкладывать миллиарды в оборону, переводим на счета поддерживаемых режимов большие суммы и при этом выдаем своим гражданам по 100 граммов масла в месяц.

Следует остановиться еще на одном моменте. В Третьем Риме идея государства всегда превалировала над идеей свободы, превращение же его в империю еще более усилило этот процесс. Ибо империи не нужны граждане, ей нужны рабы — материал, из которого можно возводить величественное здание. И крах Великой России стал закономерным итогом этого курса, бунт так и не достигших гражданской зрелости людей смел ее. Октябрьский переворот проходил под лозунгом разрушения империи. И вряд ли его организаторы отдавали себе отчет, что сами являются носителями имперского мышления. И не только старого, но и нового.

По своему характеру марксизм если сам не является непосредственно имперской идеологией, то боронит почву для ее прорастания. Во-первых, он имеет интернациональный (вернее, псевдоинтернациональный) характер, призывая пролетариат к созданию империи труда. Во-вторых, диктатура пролетариата есть отказ от свободы во имя государственности. В-третьих, марксизм несет резкое разграничение мира на своих и чужих. В-четвертых, он декларирует отказ от общечеловеческих ценностей в пользу идеологических.

Для советского империалистического периода характерно дальнейшее обособление Центра, чья политика достигает стадии, когда существует уже полное противоречие между его интересами и интересами всех населяющих страну народов. Перевезя из Петербурга в Москву великодержавные амбиции, Центр усилил их небывалым идеологическим прессингом, определившим на многие десятилетия судьбы миллионов людей. Идеологической империи, чтобы выжить, необходимо полное подчинение человека государству, внушение ему ложных целей и ложных интересов. Сейчас в республиках ощущается ухудшение отношения к русским: истоки этого явления — в отравлении последних великодержавием, в нежелании приспосабливаться к местным условиям.

Столкновение Центра со своими доминионами — неизбежный результат перехода от унитарного государства к действительно свободному союзу республик. Но такой переход не может осуществляться без деидеологизации всего государственного устройства. Именно желанием сохранить остатки империи объясняются заклинания о социалистическом выборе. Для империи — это последний рубеж обороны, который она согласна защищать до последнего своего дыхания. Империи рушатся тогда, когда побеждает идеал свободы.

Коротко

2 апреля начинаются переговоры между Павловым и шахтерами

КАК И ОЖИДАЛОСЬ на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР, в политической игре различных соперничающих между собой группировок «шахтерская карта» стала козырной. 30 марта, выступая на сессии, российский депутат Бэлла Денисенко заявила, что получила из Кузбасса телеграммы, в которых шахтеры, а также металлурги, железнодорожники и работники других отраслей области угрожают бастовать до тех пор, пока съезд не включит в свою повестку вопрос об учреждении в России поста президента.

Позже выяснилось также, что кузбасские шахтеры очень чутко реагируют на критику в адрес председателя ВС РСФСР. Член Кемеровского стачкома Анатолий Малыхин, выступая перед народными депутатами, сообщил им, что после содоклада противника Ельцина депутата Исакова в Кузбассе остановились 1 шахта, 2 автобазы и 1 рудник.

Сам Ельцин, отвечая на вопросы депутатов о шахтерской забастовке, заявил, что это «их право и волеизъявление», рассказав затем, как он «в Воркуте ползал по штреку около 5 километров». Ельцин сказал, что российский Совмин готов участвовать наравне с союзным руководством в предстоящих переговорах с шахтерами, и еще раз повторил свое предложение шахтерам «выйти из ведения Министерства угольной промышленности СССР и перейти под юрисдикцию Российской Федерации. Тогда экономические вопросы будут решены незамедлительно».

Однако, как сообщили корреспонденту «НГ» в секретариате Центрального совета профсоюза угольщиков, представляется весьма сомнительной способность российского руководства быстро решить все шахтерские проблемы. Собственная угольная промышленность — весьма дорогое удовольствие для любой республики. Дело в том, что из-за низких цен на уголь большинство шахт «планово-убыточны». Сейчас из союзного бюджета тратится 8 миллиардов рублей только для того, чтобы поддерживать угольную промышленность на территории России в ее нынешнем состоянии. А чтобы выполнить основное экономическое требование российских шахтеров и увеличить им вдвое заработную плату, необходимо еще около 5 миллиардов рублей.

«Нас не интересует, где российское руководство возьмет эти деньги,— заявил корреспонденту «НГ» председатель Совета рабочих комитетов Кузбасса Вячеслав Голиков.— У властей республики для обеспечения угольной промышленности должен быть разработан ряд мер». Голиков сообщил, что в настоящее время представители шахтеров проводят переговоры с заместителем председателя Совета Министров РСФСР Михаилом Малеем.

Вполне возможно, что в ближайшем будущем шахтеры смогут выбирать, кто им предложит больше: Россия или Союз. 2 апреля премьер-министр СССР Валентин Павлов должен начать переговоры с делегацией представителей различных угольных регионов страны. На переговорах будут обсуждаться только экономические проблемы. Очевидно, в предстоящих переговорах примет участие и Президент СССР.

Пока остается неясным, внемлет ли Центр настойчивым намекам Ельцина о том, что российское руководство тоже не прочь принять участие в переговорах. Неясно пока и то, смогут ли эти переговоры положить конец шахтерской забастовке, беспрецедентной по своей продолжительности. Ведь Павлов, верный своим принципам, намерен разговаривать лишь с теми шахтерами, которые участия в забастовке не принимают.

А пока забастовка продолжается. По данным, полученным от стачкомов, сейчас стоят 159 шахт (43 в Кузбассе, 45 в Донбассе, 20 в Ростовской области, 21 на западе Украины, 7 в Воркуте, 5 в Инте, 7 в Челябинске, 1 рудник в Норильске и 10 в Тульской области). Официальные данные о забастовке (полученные в Центральном совете профсоюза угольщиков), как всегда, несколько ниже — бастует около 120 шахт.

Анна Краевская,
Юлий Лебедев.

Коротко

Иван Полозков: КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ НЕ УМРЕТ

В кулуарах российского съезда лидер РКП охотно отвечал на вопросы журналистов

КП РСФСР

— ИВАН КУЗЬМИЧ, не настораживает ли вас опыт стран Восточной Европы? Те компартии, которые сели за «круглый стол», оказались оттесненными на задний план.

— Я не думаю, что в России нашлась бы какая-то сила, которая оттеснила бы на второй план компартию. Такой силы пока нет.

— Рассматриваете ли вы себя в качестве кандидатуры на пост Президента России?

— Нет.

— До съезда говорилось о том, что депутатская группа «Коммунисты России» намеревалась сместить на нем Ельцина с его поста. Вы подтверждаете это?

— Я об этом не слышал.

— Как вы расцениваете деятельность Совмина России и политику Ивана Силаева?

— Отрицательно. Сегодня очень много нерешенных вопросов на местах, которыми в России никто не занимается и которые входят в компетенцию российского правительства. Сегодня многие предприятия на грани остановки не потому, что они не могут работать и чего-то нет—это само собой плохо,— но из-за того, что не вывозится готовая продукция, нарушены всякие элементарные связи. Я недавно был в Мурманске. Есть там объединение «Никель» — очень хорошее предприятие. И вот, представьте себе, это объединение стоит уже пять дней из-за того, что не подвезли каустической соды. Мне в коллективе рассказывали, что раньше следили по минутам за продвижением всего, что необходимо для работы. А сейчас никому до этого дела нет. И таких примеров можно привести сотни.

— Кстати, о вашей поездке в Мурманск. Говорили, что у вас была многочисленная охрана.

— Да нет, со мной ездили только члены ЦК РКП. А охраны, о которой говорят, не было.

— Вообще никакой?

— Вообще никакой.

— Есть ли у вас любимые газеты или хотя бы те, которые вы читаете ежедневно?

— «Комсомольская правда».

— А как вы относитесь к тому, что на местах партийные издательства неохотно берутся печатать независимые газеты?

— Я такими фактами не располагаю. Напротив, я часто слышу, что партийные издательства печатают другие, непартийные, издания. И на этот счет у нас очень много нареканий.

— Вы поддерживаете какую-то связь со своими избирателями? Каково их отношение к вашей политике?

— О моей политике высказываются с полнейшим одобрением. Есть, конечно, оппоненты, которые не разделяют мою точку зрения. Однако они вынуждены терпеть, коль я избран. Но я с ними встречался, полемизировал, и каких-то особых выпадов они против меня не делали. Так что спасибо им за уважительное отношение.

— Разъясните, пожалуйста, обстановку в РКП. Говорят, что партия чуть ли не на грани раскола.

— О нет, не надо так. РКП за последние месяцы очень окрепла, поверила в свою состоятельность, набирает силы, и никаких проблем там нет. Да, в ней есть определенные течения — и влево, и вправо, и мы считаем, что это нормальные явления. Будем рассматривать их как школу политической мысли, будем учитывать их мнения, спорить — и все будет нормально. Но я не могу привести ни одного примера раскола.

— Когда партия собирается зарегистрироваться и где?

— Дело в том, что сегодня так не ставится вопрос. Вы же помните, что все компартии республик провозгласили, что они работают с единым уставом и программой, с единым членством. А ведь регистрируются не партии, а уставы. И КПСС сегодня, насколько мне известно, предъявила материалы для регистрации. Значит, все республиканские партии самостоятельно регистрироваться не должны. Если бы пришлось регистрироваться отдельно, то возникла бы большая сложность: либо выходить с уставом КПСС, либо разрабатывать свой. А если другие компартии начнут принимать свои уставы, это будет тяжело для КПСС, это будут самостоятельные партии, а следовательно, раскол КПСС, и нельзя этого сейчас допустить, хотя бы в интересах КПСС. У нас в стране и так слишком много факторов, которые подстегивают общество к расколу. Еще бы не хватало, чтобы коммунисты это начали делать!

— Вы говорили о своем отрицательном отношении к российскому Совмину, а что тогда вы скажете о союзном кабинете? Ведь авторитет его сейчас резко пал.

— Согласен — авторитет резко пал. Но я никак не могу разобраться: почему средства массовой информации больше двухсот раз выступили по Павлову и все выступления — негативные? Что может сделать даже человек семи пядей во лбу за два месяца? Мы сегодня находимся в таком опасном состоянии, что вот это «долой, долой» захлестнуло нас всех. Давайте дадим правительству спокойно работать.

— При каких, на ваш взгляд, условиях могут быть найдены на российском съезде пути выхода из экономического кризиса?

— Я думаю, что первое условие — это договор о Союзе. В России сегодня межрегиональные проблемы не такие острые, их можно решать спокойнее. А вот война Центра с республиками должна быть закончена, ибо ни одна республика, в том числе и Россия, без Союза не проживет. Вот каковы должны быть первые шаги, чтобы стабилизировать обстановку.

— Как по-вашему, повышение цен — это шаг к рынку или нет?

— Конечно, но давайте уточним: не повышение, а реформа цен. Все, кто вступал в рынок, начинали прежде всего с реформы ценового механизма. Посмотрите, это ведь та мера, о которой ведется разговор во всех программах — и Шаталина —Явлинского, и Рыжкова, и Павлова.

— С какими альтернативными экономическими программами вы знакомы?

— Читаю сейчас программу Скокова, вожу с собой. Она, пожалуй, наиболее привлекательна, чем другие. Ну, наверное, потому, что я ее сейчас читаю и она еще стоит у меня в памяти. Но надо будет потом сопоставить с другими.

— Вы были на московских митингах?

— Нет. Но, вы знаете, я очень много бываю в трудовых коллективах. Вот недавно спускался в шахту «Норильская», встречался с шахтерами на поверхности. Митинг — это не та аудитория. А московские митинги — это одна и та же аудитория, одни и те же председательствующие, одни и те же ораторы. Поэтому и программа митинга каждый раз задается и строго выполняется. Что ж, честь и хвала нашим новоявленным демократам, которые активно таким образом работают.

— Не кажется ли вам, что если будет принят закон об отзыве народных депутатов, фракция «Коммунисты России» будет значительно ослаблена?

— Глубоко убежден, что нет. Я чувствую, скажем, по своему округу, что, каким бы этот закон ни был, он не сработает по моему отзыву, даже если будет целенаправленным. Я знаю своих избирателей, **они — меня. Я** снова к ним поеду, **встречусь, выслушаю их претензии, и вопрос** об отзыве не состоится. Если вести со своими избирателями честный разговор, то все будет нормально.

— Прокомментируйте, пожалуйста, требования Верховного Совета РСФСР о запрете совмещения должностей.

— Верховный Совет не требует, требуют отдельные депутаты. Я думаю, что сейчас мы этой болезнью переболеем. Как только у нас состоятся другие партии и как только выборы будут проводиться по партийным платформам, вопрос этот снимется как таковой. Ни в одной стране, где есть многопартийность, этот вопрос не встает. Ведь никто не требовал от Маргарет Тэтчер, чтобы она сдала полномочия лидера своей партии, когда ее избрали премьер-министром, и наоборот — когда стало туго для партии, она заявила всенародно, что уходит ради интересов своей партии. Само собой разумеется, что та партия, которая взяла власть демократическим путем, никогда не отдаст властные функции другой партии — давайте не будем наивными.

— А как вы смотрите на то, что все меньше остается стран, где действуют компартии? И не окажется ли в итоге, что СССР станет единственной страной, где существует компартия?

— Не беспокойтесь. Никто из нас не доживет до того времени, когда с политической арены уйдет коммунистическая идея, коммунистическая идеология. Даже в тех странах, о которых вы говорите. Этого не будет. Сегодняшние попытки ликвидировать социалистическую идею — это так же, как попытки разрушить памятники культуры или памятники Ленину. Это часть мировой цивилизации, которая имеет вековую историю и создавалась не вдруг. Дело в другом: насколько компартии удастся очистить эту идею от тех факторов, которые скомпрометировали ее, вызывают негативное к ней отношение. Я думаю, что это по силам нашей партии, я имею в виду КПСС. Сейчас нагнетаются страсти. Партию обвиняют в том, что было, чего не было и в том, чего быть не могло. Это надо пережить, и все встанет на свои места. Но компартии будут жить и набирать силы.

— Ради чего?

— Ради интересов трудового народа, ради целей, которые они ставят. Партия будет жить, пока есть труд.

Записала
Юлия ПАНЮШКИНА.

«РЕЗУЛЬТАТ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ НУЛЕВОЙ»,—

считает Анатолий Собчак, председатель парламентской комиссии по тбилисским событиям

Владимир Тодрес

НЕ ТАК ДАВНО народным депутатам СССР была роздана подписанная Генеральным прокурором СССР Николаем Трубиным «Информационная записка» о событиях 9 апреля 1989 года в Тбилиси. Эти материалы первой опубликовала «НГ» в № 30 (комментарии мы тогда сочли излишними), позже «Советская Россия» с соответствующими комментариями и за ней — «Красная звезда». Эти публикации и заставили нас обратиться за комментарием к председателю парламентской комиссии по расследованию этих событий Анатолию Собчаку.

— Как мы и ожидали, никаких конкретных результатов расследование прокуратуры не дало. Но для меня в этой записке самое важное — то, что она не подтвердила ни одного из обвинений, выдвинутых на втором съезде главным военным прокурором Катусевым. Если помните, Катусев говорил о том, что на площади взрывались самодельные устройства, о вооруженных боевиках, фамилии которых известны прокуратуре. Но в итоге все уголовные дела прекращены, к ответственности не привлечен никто — ни с какой стороны. Результат расследования прокуратуры оказался нулевым, и это лишний раз подтверждает выводы нашей комиссии. Их никто не смог опровергнуть. Поэтому мы, во-первых, поднимем вопрос об отставке главного военного прокурора — он ввел в заблуждение съезд. И, во-вторых, будем требовать, чтобы решение по заключению нашей комиссии было выполнено: чтобы названные нами виновные были привлечены к ответственности. Начиная с генерала Родионова.

— Но Трубин пишет, что и Родионов, и другие должностные лица действовали правомерно...

— Но это не так! Родионов ведь нарушил приказ командования: ему было поручено взять под охрану определенные объекты. Но никто не давал ему права применять армию для разгона демонстрантов и вообще ставить десантников в колонну вытеснения. Были разговоры об устном приказе, но никто—ни те, кто его якобы отдавал, ни те, кто получал,— этого не подтвердил. Мы пришли к однозначному выводу: Родионов действовал с нарушением приказа. Как и подполковник Бакланов — комполка из дивизии Дзержинского, применивший «си-эс», который вообще не является табельным вооружением этой дивизии. Этот подполковник даже не мог нам сказать, откуда он этот «си-эс» получил! Потому что получил он его в Баку неофициальным порядком. Неофициально получил и незаконно использовал. И таких нарушений закона мы установили много. А в прокурорской записке есть оценки, есть выводы, но нет доказательств.

— Насколько ваши сведения совпадают с данными Трубина о том, что были только четыре рубленые раны от саперных лопаток и что вообще не было тяжело пострадавших от «си-эс», но зато имело место последующее «подтравливание»?

— Мы установили число пострадавших от саперных лопаток абсолютно точно, эти данные опубликованы, и нет смысла их повторять. О подтравливании были разговоры и во время нашего расследования, но ни одного факта мы не установили. И до сих пор нет ни одного доказательства... Я сейчас готовлю к печати сборник материалов и документов о Тбилиси. Постараюсь довести дело до конца — до наказания виновных. Потому что из заключения прокуратуры выходит, что виновны только сами жертвы.

— Не только. «Трагические события ... находятся в прямой причинной связи с противоправной деятельностью организаторов и активных участников митингов». Значит ли это, что прекращенные «за изменением обстановки» дела против Гамсахурдиа, Церетели, Чантурия и покойного Коставы будут возобновлены?

— Мы тоже считаем, что организаторы этого митинга допустили целый ряд нарушений закона: призывы к насильственному свержению власти, неповиновение требованию властей разойтись, проведение митинга без соответствующего разрешения. На совести и Гамсахурдиа, и Церетели, и Коставы, и Чантурия лежит то, что они, зная о готовящейся карательной операции, рисковали не своими жизнями, а теми, кто им поверил и пришел на площадь. Ничто не мешало даже тогда прекратить несанкционированный митинг, подать заявку, а если бы санкция не была дана — обжаловать в суде, но добиться законного митинга. Тогда бы не было жертв. Погибают, как всегда, непричастные, невиновные. Но организаторы были в эйфории от того, что смогли повернуть войска днем, во время демонстрации силы, когда легли на их пути. Они рассчитывали на такой успех и ночью... Поймите правильно: я вовсе не сторонник возобновления уголовного дела. Не только потому, что обстановка действительно изменилась. Но и потому, что тогдашнее грузинское руководство тоже нарушало закон — запрещало эти митинги, не рассматривало заявки. В том числе и из-за этого противостояние народа и руководства обострилось до такой степени. Вот это, наверное, главная причина происшедшего.

— Бы наверняка были знакомы с ходом прокурорского расследования...

— Конечно. И даже передали им ряд материалов, полученных нашей комиссией...

— Так вот то, что записка опубликована сейчас, следовало из темпа и логики работы, или — момент выбран?

— Я думаю, выбран момент. Заключение давно должно было появиться. А такое — могло и год назад, и раньше. Возможно, это реакция на выступления в Верховном Совете (в частности мое), что уже в который раз расследования комиссий и прокуратуры заканчиваются ничем — и по АНТу, и по Тбилиси. Кстати, эту записку очень странно распространили. Я бы понял, если бы генеральный прокурор выступил в ВС с заявлением. Нет — это было роздано депутатам вместе с другими документами без комментариев. Так, для сведения. Так что я не считаю, что в этом деле поставлена точка. Слишком много аналогий в нашей истории — 9 января 1905 года, новочеркасский расстрел в 1962 году... Так что необходимо довести до конца и расследование. и выводы.

ПОЛИТИКА

УКРАИНА УСТОИТ

Пресс-конференция председателя ВС Украины Леонида Кравчука

Владимир Рубан

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ была посвящена итогам всесоюзного референдума и республиканского плебисцита 17 марта и подготовке Союзного договора, однако председатель ВС Украины ответил и на другие вопросы журналистов.

О РЕФЕРЕНДУМЕ

«Референдум нельзя увязывать с Союзным договором, — подчеркнул Леонид Кравчук. — Это недопустимый прием. Ведь до референдума нигде — ни в выступлениях, ни в заявлениях — не говорилось о том, что он является одновременно и формой волеизъявления народа относительно опубликованного проекта Союзного договора... Это факт, что большинство людей выступили за Союз, а народ Украины высказался не просто за Союз, а за Союз суверенных государств, куда Украина должна войти на основе своей Декларации о государственном суверенитете. Но если республика делегирует какие-то свои полномочия Союзу, то только исходя из собственных интересов и не навсегда».

О СОЮЗНОМ ДОГОВОРЕ

У председателя ВС Украины много замечаний ко второму варианту проекта Союзного договора, почти к каждой его статье. Он изложил их на 18 страницах и роздал депутатам ВС. В частности, Кравчук недоволен непоследовательностью авторов проекта, тем, что в нем не решены проблемы собственности, налогов, разграничений полномочий между Центром и республиками.

Президиум ВС Украины создал рабочую комиссию для подготовки украинского варианта Союзного договора. В нее вошли представители и парламентского большинства, и оппозиции. «Мы будем строить Союз, который отвечал бы интересам народа Украины», — заверил Леонид Кравчук.

ЗА КОНФЕДЕРАЦИЮ С ЭЛЕМЕНТАМИ ФЕДЕРАЦИИ

«Союз государств не предполагает центрального государства, он предполагает координационный центр. Но мы не должны сегодня молиться на федерацию, равно как и на конфедерацию. На переходный период необходимо центральное государство с ограниченными функциями и полномочиями, переведением стрелок в сторону государств-республик. Не надо этого бояться, это — нормальный процесс. Мы должны создать Союз с элементами федерации и конфедерации. А дальше сама жизнь выведет нас на новые структуры».

О КОНСТИТУЦИИ УКРАИНЫ

Эта проблема стоит особенно остро: ведь в октябре прошлого года после политической голодовки студентов ВС республики принял постановление, согласно которому Украина сможет подписать Союзный договор только после принятия новой конституции. Кравчук сказал, что в апреле ее концепция будет представлена на рассмотрение ВС. А до этого пройдут заседание конституционной комиссии и научно-практическая конференция, где будут обсуждаться разные варианты основного закона.

«Мы не спешим, потому что не хотим принимать конституцию на несколько лет, — сказал председатель ВС. — Это должна быть конституция украинского демократического свободного государства».

«РОССИЯ КРАЙНЕ НЕСТАБИЛЬНА»

Кравчук считает, что процесс установления и развития горизонтальных связей между республиками идет удовлетворительно. «Мы почувствовали, насколько легче строить отношения между республиками напрямую, а не через кого-то», — сказал он, особо отметив плодотворное сотрудничество с Белоруссией и Казахстаном—республиками, где сохраняется относительная политическая и экономическая стабильность. Россия же крайне нестабильна, в связи с чем Украина недополучает много сырья, в частности древесины. Председатель ВС Украины сказал, что имеет информацию, что «есть чуть ли не указания — не давать Украине леса». Это очень тревожит украинскую сторону, хотя Кравчук и понимает объективность трудностей, переживаемых сейчас Российской Федерацией и связанных в первую очередь с «бунтом» бывших автономий.

Несколько усложнились в последнее время и экономические связи Украины с Молдовой.

О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ

Перед Украиной здесь, на взгляд Кравчука, открываются большие перспективы. «Сейчас мы собираемся в Германию, где, наверное, подпишем документ о наших намерениях, затем — в Венгрию, — сказал он. — Не проходит и дня, чтобы к нам не приезжал кто-то из зарубежных политиков или бизнесменов. Мы налаживаем с ними связи. Будем открывать консульства в Киеве, других городах республики».

О НАПАДКАХ КОНСЕРВАТОРОВ

С недавнего времени некоторые газеты Компартии Украины начали остро критиковать деятельность председателя ВС (являющегося, кстати, членом политбюро ЦК КПУ), его заместителей. Однако Кравчук реагирует на это спокойно, считает, что идет нормальная политическая борьба. Многие коммунисты сопротивляются превращению Украины в суверенное государство. Кравчук уверен, что они довольно быстро поймут свою ошибку. Кто же не поймет, вынужден будет сойти с политической арены.

НА КРЕЩАТИКЕ ТАНКИ НЕ ПОЯВЯТСЯ

«Если мы и дальше будем идти дорогой спокойствия, если мы не на словах, а на деле встали на путь укрепления суверенитета, на Украине обойдется без серьезного социального взрыва и танки на Крещатике не появятся. По крайней мере мои действия состоят в том, чтобы не допустить этого, и я думаю, что Украина устоит, она имеет для этого все необходимые условия, — сказал председатель ВС. — Главное — у народа Украины появилась цель — независимость». По экономическому потенциалу Украина, согласно оценке немецких финансистов, также имеет наилучшие среди республик шансы стать суверенной. Это облегчает задачу руководства республики, которое, по словам Кравчука, должно постоянно ощущать пульс жизни, интересы народа Украины, не разделять его на украинцев, русских, поляков, евреев...

О ВСТРЕЧЕ С РИЧАРДОМ НИКСОНОМ

Кравчук назвал экс-президента США чрезвычайно интересным человеком. «Цель его визита: ознакомиться с процессами, происходящими на Украине, понять, чего мы хотим, способны ли обеспечить стабильность в экономике и политике. Я искренне рассказал ему о наших намерениях, а они чрезвычайно широкие, и отметил, что мы при этом не собираемся покушаться на права Центра». «Меня удивляет, — сказал Кравчук бывшему президенту, — что мир с такой осторожностью относится к советским республикам, каждый свой шаг соизмеряет с тем, понравится ли это Центру. Не надо так. Мы уважаем права других, но пусть и они уважают наши права». При этом председатель ВС Украины подчеркнул, что дороги назад от суверенитета нет и уже не будет.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ С ПРЕЗИДЕНТОМ ГОРБАЧЕВЫМ

«В ситуации, что сложилась, не приведи Господи, быть на месте Горбачева, — сказал Кравчук. — Однако, несмотря на невероятные нагрузки, он находит возможность выслушать собеседника. Это очень важно. Мы неодинаково мыслим, но это не значит, что мы противники. У нас нормальные отношения двух политических руководителей. Михаил Сергеевич — сторонник обновленной федерации, а я — союза суверенных государств, я буду стоять на своем, а он, уверен, — на своем. А решающее слово будет за ВС Украины».

МЫ ЗАБЫЛИ О СВОЕМ НАРОДЕ

—считает народный депутат РСФСР и Тувы Каадыр-оол Бичелдей

Виталий Портников

Тува

КААДЫР-ООЛ Бичелдей — один из наиболее известных на российском съезде депутатов — представителей национально-территориальных образований. Политик концептуально мыслящий и реалистичный, он нередко уходил с трибуны под саркастичные замечания и оппонентов, и потенциальных единомышленников из «Демократической России». «Я попал в двустороннее непонимание, — замечает Бичелдей. — И коммунисты меня не поняли, не поддержали и демократы. Я как бы сам по себе оказался. Но на данном этапе это меня устраивает».

Как оценивает К. Бичелдей, взгляды которого характерны для национальной интеллигенции (депутат окончил Монгольский университет, работал старшим научным сотрудником Тувинского НИИ языка, истории и литературы) ситуацию в Туве, провозгласившей свой суверенитет не просто вследствие пресловутого «парада», но спустя 47 лет после вхождения независимого государства — Тувинской народной республики — в РСФСР. «Память об этом живет не только среди пожилых людей, она передана и молодому поколению. Даже школьники имеют достаточное представление о государственном устройстве республики до 1944 года. Исходя из этой исторической ситуации, мы принимали нашу декларацию о суверенитете. Есть и определенная тенденция возможного возвращения к тому статусу республики. Я считаю, что в данной исторической ситуации это должно происходить в эволюционном порядке. Мы должны прежде всего выработать правовые основы изменения статуса республики. Я — за то, чтобы Тува со временем, решив все экономические, политические и законодательные проблемы, стала союзной республикой. Возможно, опять-таки со временем, при наличии законных демократических оснований, мы сумеем решить вопрос о независимой государственности. Но ни навязывать, ни форсировать его не стоит. Всему свое время».

И все же народный депутат уверен, что откладывание проведения в Туве российского референдума — результат скорее политического противостояния, чем стремления к суверенитету. Обсуждение этого вопроса началось с заседания бюро рескома Компартии РСФСР. Демократические силы, которые хотели бы отстаивать право на участие в референдуме, не смогли провести широкой агитации. Референдум состоялся лишь в столице Кызыле и в одном районе и одном поселке республики. Пожалуй, это неплохо продемонстрировало ситуацию в Туве. «Есть расхождения во взглядах на основные вопросы экономического, социального и политического развития у народа и определенной части руководства республики. Уже то, что группа молодежи объявила голодовку, протестуя против методов деятельности председателя ВС Тувы Чимит-Доржу Ондара и первого секретаря рескома партии Георгия Ширшина, о многом говорит. Но в руководстве есть и люди, с которыми можно и нужно сотрудничать, чтобы вывести республику из экономического тупика».

Судя по всему, «национал-демократам» мешает не только жесткая позиция собственных лидеров. «Я понимаю, что проект Конституции РСФСР, в котором президенту дано право вето на республиканские законы, идея наместничества — всего лишь проекты. Но очень трудно полемизировать, когда тебе начинают цитировать такие документы», — говорит Бичелдей. По его мнению, в принципиальных вопросах между «Демократической Россией» и демократами автономий нет разногласий, чего не скажешь о видении национальной проблемы. «Но я отношусь к этому спокойно. Эти препятствия преодолимы, мы должны идти навстречу друг другу, делать конкретные шаги, особенно в вопросах национально-государственного устройства».

Эти шаги, вероятно, помогли бы разрушить ряд «больных» вопросов — реально существующих или даже надуманных. Недавно центральная пресса подробно писала о проблемах русской общины Тувы. Но К. Бичелдей считает, что «эта проблема не столько русских, сколько всей республики, и ее причины не политические или национальные, а социально-экономические. За 40 с лишним лет пребывания в составе СССР мы возвели не те ценности во главу существования нашей республики. Мы забыли о своем народе. И когда тувинцы начали предъявлять законные права на нормальную жизнь, определенные силы сумели развернуть это желание в проблему межнациональных отношений». Однако «корень зла», по его мнению, все же в решении экономических проблем. «Выбираясь из этой пропасти, можно будет найти решение и политических, и межнациональных проблем».

Коротко

Татарстан

«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ и речи о выходе Татарстана из Российской Федерации по той простой причине, что Татарстан никогда не входил в ее состав, заявил президент Всесоюзного татарского общественного центра Марат Мулюков. — Казанское ханство было захвачено и колонизировано русским государством в 1552 году. И это нужно отчетливо себе представлять. Мы должны освободиться от колониального захвата. Даже если не вести счет с XVI века, а обратиться к менее отдаленной от нас истории, то и здесь мы видим: после образования Татарской республики в 1920 году никакого договора с РСФСР подписано не было, да и Российскую Федерацию создавали без учета развития самого русского государства. Нам хотят навязать Федеративный договор, субъектами которого должны стать бывшие автономии. А где же главный субъект — русское государство? Мы не раз этот вопрос ставили перед руководством РСФСР, но ответа так и не получили, потому что его председатель Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Рамазан Абдулатипов признает, что Российская Федерация — это государство русского народа, остальные входят в него как субъекты федерации без прав».

«Постфактум»

Кавказ

30 МАРТА состоялся I съезд балкарского народа, в работе которого принимали участие 556 делегатов из всех районов Балкарии, а также Москвы, Казахстана и Киргизии и представители Исламской партии возрождения, Демократической партии Кабардино-Балкарии и республиканского комитета Компартии РСФСР.

В принятой резолюции содержится обращение к Верховным Советам КБССР, РСФСР, СССР с просьбой «до подписания Союзного и Федеративного договоров законодательно решить следующие вопросы:

— восстановление районов Балкарии в пределах 1944 года, когда балкарский народ был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан;

— определение Балкарии как равноправного субъекта КБССР и конституционное закрепление данного положения;

— конституционное закрепление механизма участия Балкарии в подписании Союзного и Федеративного договоров в качестве равноправного субъекта;

— конституционное закрепление положения о формировании Верховного Совета КБССР на основе функционирования двухпалатного парламента с паритетным представительством субъектов, образующих республику;

— создание механизма конституционного обеспечения паритетного представительства в высших органах исполнительной и судебной власти в республике представителей субъектов, образующих республику, включая ротацию высшего государственного должностного лица».

«В случае игнорирования Верховным Советом настоящей резолюции, с момента подписания Союзного и Федеративного договоров считать, что балкарский народ не связан этими договорами и, в соответствии с Декларацией о суверенитете КБССР, оставляет за собой право на решение вопросов о самоопределении», — отмечено в резолюции.

На съезде избраны представители балкарского народа для подписания Союзного и Федеративного договоров — народный депутат СССР академик Михаил Залиханов, проректор Кабардино-Балкарского государственного университета Хусей Чеченов, первый заместитель председателя Верховного Совета КБССР Борис Чабдаров и представитель Народной общественной организации «Тере» («Балкарский форум») Ильяс Бачиев.

«Постфактум».

Союз!

31 МАРТА в Геленджике закончился съезд греков, проживающих на территории СССР.

На съезде было избрано правление Национального совета во главе с председателем Моссовета Гавриилом Поповым и принят устав, в который внесено решение добиваться создания национально-территориального образования на территории СССР.

На греческий форум съехались 247 делегатов и 348 гостей. Среди приглашенных были консул Греции в Советском Союзе Гарилидис Никис, президент Всегреческой федерации понтийских общин Стефанос Тиниманидис, представители советских общественных организаций.

Игорь Логинов.

Коротко

КОММУНИСТЫ ВЛАДЕЮТ СИТУАЦИЕЙ

Президент Азербайджанской Республики Аяз Муталибов отвечает на вопросы участниц Международного женского пресс-клуба «33 плюс 1»

Азербайджан

— ПОДАВЛЯЮЩЕЕ большинство населения в республике на вопрос, вынесенный на недавний всесоюзный референдум, ответили «да». Как азербайджанцы представляют свою судьбу в составе обновленного Союза?

— Прежде всего, за этим «да» стоит понимание сути самого вопроса. Мы рассчитывали на то, что этот своеобразный, первый в истории нашего государства референдум прояснит отношение народов советских республик, в том числе и азербайджанцев, к существованию Союза в том варианте, который очерчен в проекте Союзного договора.

Отнюдь не прибегая к какой-то обработке общественного мнения, мы у себя в республике исходили из того, что наш народ достаточно зрелый и сумеет правильно сориентироваться в нынешней ситуации. И вот результаты голосования: из 75 процентов принявших участие 93 процента граждан ответили «да» обновленному Союзу.

Это говорит о сложившемся настроении людей, причем в условиях, когда можно было ожидать различных эмоциональных всплесков, потому что народ пребывает в затяжном межнациональном конфликте. Нельзя не учитывать и того, что Союз до сих пор не обеспечил суверенных прав Азербайджана; еще и сегодня у нас гибнут люди... К тому же действовала и соответствующая пропаганда «против» — ведь мы живем по соседству с республиками, которые не участвовали в референдуме. И все же люди избрали путь построения суверенного Азербайджана в обновленном Союзе, путь наполнения реальным содержанием этого суверенитета. Думаю, это — закономерный итог.

— Каковы сегодня позиции компартии Азербайджана?

— Да, у нас был резкий спад авторитета компартии, а вернее — эмоциональное возмущение народа тем, что она, как и КПСС в целом, не уберегла Азербайджан от кровавых событий 20 января прошлого года. Конечно, те события нельзя рассматривать как изолированное явление, они — в контексте процесса, продолжающегося уже три года. Выход из рядов компартии стал, таким образом, реакцией людей на действия тех, кто позволил деструктивным силам спровоцировать этот жесточайший конфликт, противопоставить друг другу два народа, втянуться в затяжную конфронтацию, наносящую огромный ущерб нашей республике.

Вместе с тем очевидно, что компартия Азербайджана — это не только партаппарат, но и люди, которые связали с ней свою жизнь, посвятив ее служению интересам народа. Дело в том, что серьезные преобразования на азербайджанской земле без консолидирующей, без направляющей силы невозможны. В то же время на политической арене республики нет иной сильной альтернативной организации, кроме компартии, которая повела бы за собой массы по пути преобразований — не спонтанных, не популистских, не авантюристических, а четких, последовательных, принимающих в расчет всю сложность стоящих перед республикой проблем.

То, что коммунисты владеют сегодня ситуацией, ни в коей мере не говорит о возврате прежних порядков, когда монопольно господствовала одна партия. Реалии таковы, что сегодня интеллектуальный профессиональный потенциал — на стороне компартии. Она вобрала в себя все лучшие силы, которые есть в обществе. И не считаться с этим нельзя, когда речь идет об интересах нации.

— Собираетесь ли вы вести переговоры с Арменией с целью урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха?

— В свою очередь, я задам вопросы. Какие обстоятельства жизни в Нагорном Карабахе могли явиться побудительным мотивом для другой стороны, чтобы развязать такую жесточайшую кровопролитную конфронтацию? Что, азербайджанцы жили там лучше, чем армяне? Это консенс. Мы располагаем соответствующими статистическими материалами. Очевидно, что это не что иное, как акция территориальных притязаний, и, естественно, она вызвала бурную реакцию в Азербайджане.

Что касается переговоров с Арменией — на каком основании мы должны взаимодействовать с ней по вопросам, касающимся территориальной целостности республики? Мы не вмешиваемся в дела Армении. Мы даже не ставим задачу предъявлять ей претензию за то, что в течение 70 лет оттуда были депортированы, по существу, все азербайджанцы, и сегодня их там попросту нет. У нас же проживают около 180 тысяч армян, и мы их всячески ограждаем. Поэтому проблема Нагорного Карабаха — это проблема только Азербайджана, и мы должны ее решать, не ввязывая сюда никаких армян. Когда мы нормализуем положение в этом очаге, когда снимем эту конфронтацию, тогда перейдем к выяснению отношений между Арменией и Азербайджаном.

Хочу сказать также: мартовское обращение Президента СССР к народу Азербайджана, жителям Нагорного Карабаха ставит все точки над i. Там зафиксировано, что Нагорно-Карабахская автономная область — неотъемлемая часть нашей республики. Но ведь это надо было сделать с самого начала конфликта! В то же время не стоит думать, что после того, как мир узнал об этом обращении, все сразу станет на ноги. Как раз наоборот. Оно побудило сепаратистские силы предпринять новый штурм: дескать, мы еще живы и еще не все потеряно. Но, я думаю, — это последнее из того, что они могут предпринять.

Смею надеяться, что правда на нашей стороне, а коли так — через некоторое время решительными действиями и Центра прежде всего, и республики мы сумеем нормализовать положение таким образом, чтобы избежать ненужной конфронтации и ненужного кровопролития.

— Какую роль, по вашему мнению, может сыграть в конфликте советская армия?

— Наши претензии к Центру следующие. Держа под контролем армию и внутренние войска МВД, он до сих пор не обеспечил с их помощью решение вопроса. Развернуть контрнаступление, разоружить армянских боевиков — это не наша прерогатива, а Центра. Почему он ставит этот вопрос в зависимости от фактора времени? Сегодня существует не фактор времени, а фактор крови. И она льется каждый день. И все же та кровь, что неизбежна в ходе операций по очистке от оружия, может показаться каплей по сравнению с той, что вероятна, если свершится «варфоломеевская ночь» — прямое столкновение в противоборстве...

Если есть хозяин, он должен навести порядок в доме. Если я президент и не добиваюсь решительных шагов, то как я могу сдержать клятву, данную своему народу, и обеспечить его безопасность? Ясно, что нужно принимать действенные меры. Кстати, если посмотреть на нынешние бесчинства в Южной Осетии... И почерк один, и сценарий один. Нужно не допустить страшной катастрофы...

— Ваше отношение к политике российского руководства?

— Да я не знаю, что это за политика... Думаю, что те политики, которые ныне действуют в России, должны быть очень осторожны: им нельзя подражать руководителям Армении, Грузии, Азербайджана. У нас мононация, Россия — конгломерат. Через некоторое время российское руководство может повиснуть в воздухе, потому что там появятся президенты разных уровней, они уже появились: Татарстан, Башкортостан, Якутия, Удмуртия, Чувашия и т. д. Куда Ельцин будет девать русских? Поэтому такие вопросы я воспринимаю с большой критикой. Идут процессы весьма опасные. Нельзя противопоставлять Российскую Федерацию и ее [illegible] телей Центру.

Хочу сказать: при всех недостатках, которые сегодня есть в политике Центра и его руководителей, президента надо понимать: мы идем по неизведанному пути, до нас на это никто не решился...

Интервью записала Ольга ТРОФИМОВА.

РЕСПУБЛИКА СКАЗАЛА «ДА» НЕЗАВИСИМОСТИ

Звиад Гамсахурдиа получил неплохой подарок к дню рождения

Нодар Броладзе

Грузия

ДЕНЬ республиканского референдума в Грузии совпал с весьма почитаемым религиозным праздником — Вербным воскресеньем и днем рождения председателя ВС Грузии Звиада Гамсахурдиа. О последнем обстоятельстве непосвященному большинству стало известно лишь накануне референдума.

Я беседовал со многими из тех, кто уже проголосовал и подивился почти полному единодушию людей. На просьбу обосновать свой выбор мои собеседники говорили примерно следующее: «Желание жить в независимой республике обусловлено печальным опытом жизни в составе Советской империи».

Несмотря на то, что вместе с референдумом проводились выборы в местные органы самоуправления, интерес людей был всецело прикован к голосованию «за» или «против» независимости республики.

К 19 часам в центральную комиссию по проведению референдума поступило сообщение о том, что голосование на территории Аджарской АССР проходит очень активно.

1 апреля к 13 часам стало известно, что в Абхазии в референдуме приняли участие 64 процента всего населения республики. 85 процентов из них проголосовали за независимость Грузии.

В Ахалкалакском районе, компактно населенном армянами, голосовали 94 процента местного населения, из которых почти все отдали голоса за восстановление независимости.

Из Самачабло сообщили: выстрелов нет, голосовать вроде бы не мешают, но избирательной комиссии тоже нет. Народ к урнам не приходит. Голосовали в основном сотрудники грузинской милиции.

В самом Тбилиси активность населения превзошла ожидания.

Центральная республиканская комиссия сообщила, что в воскресенье проголосовали свыше 95 процентов всех зарегистрированных участников референдума. Окончательные итоги стали известны поздно вечером.

Двумя днями раньше в Тбилиси прилетел экс-президент США Ричард Никсон и был принят Звиадом Гамсахурдиа. В день референдума он посетил два избирательных участка в центре Тбилиси.

Экс-президент отказался от комментариев по поводу референдума в Грузии, сказав, что дело грузинского народа решать, как ему жить в будущем. Впрочем, в ходе импровизированной пресс-конференции перед отлетом он заявил, что подготовит для президента Буша отчет, основанный на своих благоприятных впечатлениях. «А уж как он его использует, мне трудно судить заранее».

* * *

«НГ» сообщала о подписании протокола встречи Бориса Ельцина и Звиада Гамсахурдиа в ходе поездки председателя ВС России на Северный Кавказ.

Содержание протокола вызвало положительную реакцию в Грузии и резкое неприятие в Южной Осетии. «Позор Ельцину за сговор с грузинскими фашистами», — под таким лозунгом прошел митинг в Цхинвали. Координационный Совет общественных движений Северо-Осетинской ССР, одобрив некоторые положения протокола (особенно в той части, где речь идет о компенсации ущерба беженцам), заявил, что лидеры России и Грузии не могут решать проблемы Южной Осетии без ее участия.

Одобрение с одной стороны и критику с другой вызвало, в частности, то, что Борис Ельцин поставил свою подпись под текстом, где несколько раз повторяются слова «бывшая Юго-Осетинская автономная область», что было интерпретировано в Грузии как согласие российского лидера с упразднением юго-осетинской автономии руководством Тбилиси.

В ответ на это Борис Ельцин направил телеграмму председателю ВС Грузии Звиаду Гамсахурдиа, в которой, в частности, говорится: «...мы обеспокоены неадекватной трактовкой текста протокола нашей встречи в средствах массовой информации Республики Грузия. Еще более нас тревожит поступающая из Грузии и Северной Осетии информация о продолжающихся боевых действиях незаконных формирований, о случаях национального насилия в Знаурском районе и других местах.

Настоятельно прошу вас предпринять все зависящие от руководства Республики Грузия для прекращения кровопролития на территории республики и обеспечения наших совместных решений по стабилизации обстановки...»

В минувшее воскресенье съезд народных депутатов РСФСР принял постановление, обращенное и к Верховному Совету Республики Грузия. В числе требований, изложенных в документе, восстановление прежнего статуса Южной Осетии.

К моменту подписания номера в печать реакции руководства Грузии на телеграмму и постановление еще не последовало.

«НГ»

* * *

Комендант Цхинвали полковник Тенгиз Эпиташвили опроверг сообщения о возобновлении перестрелки в городе, переданные по информационной программе «Время» 30 и 31 марта, назвав их злонамеренной дезинформацией.

Руководитель пресс-центра МВД Республики Грузия Валериан Гоголашвили сообщил, что в течение последних 12 дней, вплоть до 31 марта, стрельбы в Цхинвали и окрестных селах почти не было. «В последний день марта в 11 часов вечера, — проинформировал Валериан Гоголашвили, — осетинские экстремисты открыли огонь ракетными снарядами по селу Никози Горийского района и вели интенсивную стрельбу более 2 часов. Один человек убит, двое ранены».

Руководитель пресс-центра МВД Грузии назвал вымыслом утверждение о готовящемся штурме Цхинвали силами грузинской милиции. Как он считает, цхинвальские экстремисты возобновили стрельбу накануне республиканского референдума отнюдь не случайно. Тем самым они хотели спровоцировать грузинскую милицию на ответные действия и вновь обострить положение в районе.

* * *

На V сессии второго созыва Координационного совета Ассамблеи горских народов Кавказа принято решение провести III съезд горских народов Кавказа.

На сессии было принято обращение к Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру, Президенту США Джорджу Бушу, Президенту Франции Франсуа Миттерану, Премьер-Министру Великобритании Джону Мейджору, канцлеру ФРГ Гельмуту Колю, парламентам и народам мира. В обращении, в частности, говорится: «После вооруженного нападения на Абхазию в июле 1989 г., повлекшего за собой человеческие жертвы, новое руководство Республики Грузия уже третий месяц ведет кровавую войну в Южной Осетии. Особую озабоченность для Кавказа представляет затянувшийся кризис в решении ингушско-осетинской проблемы, который искусно используется имперскими силами в своей политике. Однако этого оказалось недостаточно для тех, кто сегодня намерен силой оружия завоевать Кавказ, истребить его народы. В настоящее время идет приготовление к расширению масштаба военных действий в регионе, о чем, в частности, свидетельствует состоявшаяся недавно встреча между председателем Верховного Совета РСФСР Борисом Ельциным и председателем Верховного Совета Республики Грузия Звиадом Гамсахурдиа».

Авторы обращения утверждают: «Антирусская проповедь, звучавшая из уст официальной Грузии, оборачивается теперь смычкой с административной верхушкой России, с которой нынешнее руководство Грузии хочет поделить Кавказ, как это было еще в XIX веке. Мы, горские народы Кавказа, обращаемся к мировому сообществу, к правительствам и парламентам всего мира с просьбой оказать нам моральную и политическую поддержку в нашей борьбе за выживание и содействовать нормализации общественной обстановки на Кавказе».

«ПОСТФАКТУМ»

ЭКОНОМИКА

ПРОРЫВ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

МГК КПСС попросил Кургиняна спасти Отечество

Михаил Леонтьев

ПОД ХАРАКТЕРНЫМ для партийных документов заголовком «Предотвратить катастрофу, обеспечить развитие общества» на 4 полосах газеты «Московская правда» от 28 февраля опубликован программный документ, «подготовленный группой ученых государственной корпорации «Экспериментальный творческий центр» по просьбе МГК КПСС».

О деятельности руководимой «математическим политологом» и режиссером театральной студии Сергеем Кургиняном корпорации и его трогательных связях с премьером Павловым и лидером московских коммунистов Прокофьевым «НГ» уже писала в № 22 («Дивиденды с торговли страхом»). За короткий срок после публикации контакты Кургиняна с сильными мира сего стали еще более плотными. Из недр ЭТЦ, похоже, вылезли оригинальные финансово-экономические идеи и расчеты премьера, украсившие его первое интервью газете «Труд» и снискавшие ему всемирную славу. Эксперты ЭТЦ активно поучаствовали в разоблачении демократов по «делу о 140 миллиардах», достоверно установив их связи с международным наркобизнесом, разработали инструкцию для МК и МГК по агитации перед референдумом. Товарищ Кургинян так плотно расположился у кормила власти, что уже с телеэкрана решил приструнить «всякие независимые газеты», заявив, что он, мол, не будет терпеть оскорблений и у него есть возможности постоять за себя. Надо думать, что возможности эти — такой же блеф, как и вся остальная деятельность ЭТЦ, поскольку еще через 3 года Кургинян предложил нам встретиться... на льду Чудского озера. Можно было бы просто посочувствовать родным и близким режиссера, а его высоким покровителям посоветовать организовать за нашим Александром Невским квалифицированный медицинский уход, поскольку от чрезмерного рвения на ниве «спасения отечества», возможно, и пошатнулось здоровье сего мужа. Но его безжалостные покровители, очевидно, решили использовать режиссерско - политологический талант на всю катушку. И напечатали его программу.

Хотелось бы сразу заметить, что сам по себе документ в качестве альтернативной антикризисной программы интереса не представляет: экономическое его содержание в неравных пропорциях составляет набор банальностей и нелепостей. Обращает же на себя внимание подача,— под эгидой МГК КПСС — и та широкая реклама, которая была устроена Кургиняну. Все это позволяет расценить опубликованный документ не просто, как плод частных усилий группы энтузиастов, а как симптом (или синдром) определенных политических процессов в руководстве коммунистической партии и государства.

Весь текст стоит, можно сказать, на «двух китах» — **запугивании и демагогии.** С первого абзаца авторы «берут быка за рога»: сценарий развития страны — «планетарная катастрофа», «пустая земля» «заповедник»...

Даже лояльный ведущий программы «Время» Ломакин заметил Кургиняну: «Не надо нас так пугать». Запугивая страшными сценариями, Кургинян вгоняет себя в транс и начинает отчетливо видеть врагов. Враги в первую очередь за рубежом: «транснациональные корпорации», «сторонники радикальных методов решения экологической проблемы за счет резкого сокращения населения» и другие фантастические монстры. Находит эксперт и внутренних врагов. И здесь, если продраться сквозь эвфемизмы, обнаруживается, что этот внутренний враг тоже «внешний» по отношению к основному населению «державы»: «республики-лидеры, имеющие «свои плакы» относительно республик «второго сорта», те же «экономические радикалы», либералы — «шестидесятники», которые всегда рассматриваются как вольное или невольное орудие внешних злобных сил. О каких республиках идет речь, предположить нетрудно, вспомнив всю обильную деятельность Кургиняна и его центра в стане прибалтийских «интеров».

Вынесение врага за рамки социума, его **демонизация** в контексте мирового заговора — очень характерные приемы и, более того, основы мышления той хорошо известной доктрины, в рамках которой носятся болезненные идеи Кургиняна. Наш интеллектуал не обзывается дурными кличками, как молодчики Осташвили, можно даже предположить, что он лично далек от этого. Но некая близость постоянно сбивает его в одну когорту с более «примитивными» спасителями отечества и в «Литературной России», и «Нашем современнике», и в обществе «Россия», и в ОФТ.

Политическая проницательность экспертов ЭТЦ, способность видеть на невообразимую глубину замыслы врагов объясняются просто. Невидимому врагу приписывается собственный параноидальный тип мышления. Представить себе наличие другой мотивации, другой картины мира эти люди просто не в состоянии. Их на мякине не проведешь... «Неомальтузианство становится все более популярным на Западе в весьма элитарных сферах, имеющих способность влиять на политику в связи с перспективами глобальной экологической катастрофы»... Кто это — враги? Или единомышленники?

...«Здесь важно понять тот общеизвестный факт, который с упорством игнорируют наши «шестидесятники». А именно, что идея развития всех стран мира, доведения всех жителей цивилизации до уровня тех, кто пользуется сегодня статусом «первого мира»,— абсурдна. Никто не хочет и не может действовать таким способом... Экологических и сырьевых ресурсов не хватит на всех»... Ну и кто же неомальтузианец?

Пусть простит меня читатель за столь пространные цитаты, но значение их в творчестве бригады Кургиняна трудно переоценить. Именно на этой, мягко говоря, циничной, а с точки зрения научной не менее спорной, идее базируется видение Кургиняном «мирового порядка» — геополитический аспект его концепции.

Геополитика по ЭТЦ — та же демонизация международных отношений, в принципе не имеет никаких различий с аналогичными схемами германских предшественников. Вплоть до объективистского признания за гипотетическим врагом логичности и обоснованности его притязаний. Можно добавить, что «интеллектуальный» нацизм не особенно усердствовал по части расистских упражнений, это все предназначалось для «быдла» с целью сплочения его в нацию.

Творческий метод Кургиняна, который можно определить как «снос цели» (перенесение на потенциального врага собственных представлений и оценок), технически воплощается ограниченным набором приемов. Характерны недомолвки, ссылки на «очевидность» весьма сомнительных фактов и источников: «Этот факт общеизвестен», «силы не скрывают своих намерений»... Более сложный прием — скрытое **самоцитирование**: «мы уже говорили, доказали, разоблачили...» Однако конкретные факты, ссылки, фамилии практически всегда отсутствуют. К примеру, в той же газете «Московская правда» печатается статья с продолжением «Литовский синдром», где доказывается, что вильнюсская бойня в январе 1991-го организована ЦРУ с помощью литовских национал-экстремистов. Две полосы тех же намеков, подтасовок, а в результате — «пшик». Но зато есть возможность ссылаться: «как уже доказано», «известны факты» и т.д.

Альтернативой козням злых сил должна стать поставка новых целей, **«идеи развития»** создано новое направление — «инициативный политический центризм». Он «должен отбросить все идеологические ярлыки, служащие протаскиванию частных корыстных целей».

«Мы заявляем «нет!» любой демагогии и требуем обсуждения целей по существу»,— восклицает Кургинян. Что же происходит с системным аналитиком, когда он начинает определять «по существу» цели своих политических противников, откуда появляется стиль примитивного доноса полувековой давности: «интересы международных монополий», «криминальной буржуазии» (обязательно криминальной — так страшнее).

Требование выявления «целей по существу», крики «карты на стол!» хотелось бы обратить к самому Кургиняну. И тут с ясностью, так же как с системностью и концептуальностью, могут возникнуть отдельные трудности.

Во-первых, эксперты декларируют «междисциплинарный подход». Такой подход хорош еще и потому, что освобождает от необходимости соблюдать элементарную корректность в рамках любой из дисциплин. В первую голову это относится к «экономической части» программы, которая, казалось бы, должна была быть существенным моментом антикризисных мероприятий. Кроме общих слов об отрицании «казарменно-административной системы» и заявлений о «неприемлемости безработицы и нужды» и констатации господства в стране уравнительной психологии здесь мы не найдем практически ничего. Экономике как дисциплине в том виде, в каком она существует в цивилизованном обществе, вообще нет места в «междисциплинарном» создании бригады Кургиняна. Несмотря на всю наукообразную лексику, с точки зрения среднекомпетентного экономиста, все рассуждения экспертов ЭТЦ отдают дилетантским политическим шаманством. На этом фоне особенно забавно выглядят рассуждения о «введении экономических методов управления экономикой», подразумевающие, как видно, нечто вроде материального стимулирования по результатам труда и тотального «лицензирования» хозяйственной деятельности. В качестве особо изощренных предполагаются регулирование цен, распределение госзаказов и «другие экономические рычаги». Такая бедность воображения не должна смущать читателя: «экономические рычаги» нужны для политеса, искренний восторг авторы обнаруживают, говоря об экономической централизации. Поскольку большинство экономических мероприятий обосновывается «экспертами» вне собственно экономического содержания с точки зрения социальной психологии, культурологии и т.д., то имеет смысл вернуться в область «междисциплинарного подхода» и рассмотреть действительные цели Кургиняна и его команды, как рекомендуют сами авторы программы.

«Государство — это основа выживания в сложнопостроенном обществе... В своей программе мы обсуждаем вопрос о новых функциях государства, соответствующих новым целям СССР как системы, а также о тех условиях, при которых государство становится эффективным «мотором» системы...» Каковы же эти условия?

Государственное устройство— «это федерализм, отвечающий мировой практике и нашим традициям. По поводу мировой практики не знаю, а «федерализм, отвечающий нашим традициям», называется империей. Что само по себе, может, и не так страшно, если бы привязанность населения к традициям была столь же крепкой, как у Кургиняна.

Самоценное унитарное по сути государство рассматривается как бы случайно, без конкретных границ, населения, политического содержания. Важнейшей функцией и наполнением его провозглашается «сильная духовная идея», которая, как утверждается, «способна обеспечить выход из любого кризиса, в любой стране, при любом политическом укладе».

Такая подозрительная идеологическая всеядность бдительного Кургиняна объясняется ниже. «Экономическая реформа в нашей стране всегда шла благодаря духовной энергии народа, направленной на подвижнический, нравственно осмысленный и за счет этого **необычайно эффективный производительный труд**».

О каких экономических реформах собственно идет речь? Может быть, о реформах второй половины XIX и особенно начала XX века? Когда Россией был достигнут действительно огромный не только экономический, но и культурный и, если отвлечься от кургиняновского употребления, духовный прогресс. Этот прогресс был прерван физическим насилием, которое опиралось на любезные сердцу Кургиняна «идеи коллективизма», «ненависти к стяжательству».

Надо думать, речь все же о другом. Авторы имеют в виду коллективистский труд строителей каналов и других гигантов пятилеток, расконвоированных колхозников и батальонов стройбата. С точки зрения Кургиняна, нельзя отрицать, что это был труд нравственно осмысленный, но назвать его необычайно эффективным и производительным было бы рискованно с любой позиции.

«И Сталин вводил террор под конкретную идею»,— заявил Кургинян в одном из своих интервью.

Ради чего же советский федеративный народ должен вернуться к идеалам аскетического подвижнического необычайно производительного труда? Апофеоз кургиняновской программы — идея **прорыва** в постиндустриальное общество. Нормального «экономического» способа такого прорыва Кургинян, естественно, не видит. Рассчитывать на помощь извне тоже нельзя, там плетутся нити самых чудовищных заговоров. И тут наступает самое интересное. Правда, наши эксперты решили лишить читателя самого интересного, т. е. описания того, как будет делаться прорыв. Но достаточно развернутые ответы можно найти в книге тех же авторов «Постперестройки», выпущенной Политиздатом в январе этого года, и в многочисленных статьях в «Литературной и Советской Россиях».

Носителем «идеи развития» является интеллектуальная элита, к которой безусловно принадлежат сам Кургинян и часть его команды. (Кстати, советуем читателям определить частоту употребления слова «элита» как в тексте программы, так и в других произведениях этого же автора.) Элита не может растворяться в массе «быдла». Для нее создаются «монастыри духовности», они же — полюса развития, прообразом которых должен стать сам экспериментальный творческий центр. В «монастырях» кормят и вообще создают условия. За пределами — по возможности.

Как отмечают авторы программы, для осуществления прорыва необходимо «...овладение новым этапом научно-технической революции и агрессивной инновационной политикой. Но эффективной эта система может быть только в том случае, если она будет ограничена сравнительно **компактной «зоной прорыва»**... Основная масса производства и распределения должна быть переведена в режим самоорганизации...» Если недавно, по мысли Кургиняна, таким механизмом считался только рынок, то ныне «возникли и испытаны системы постиндустриального общества, преодолевшие тоталитаризм рынка. Эти системы могут быть приложены к тем регионам, где доминирует «дорыночное» общество».

Размышления о «туннельном эффекте» вряд ли помогут неискушенному читателю разобрать эту абракадабру. Понять, что за туннель собирается прорыть Кургинян из «традиционного общества» в постиндустриальное, сложно без обращения к его предшествующему творчеству.

Симпатии Кургиняна к коммунистической идее, не нашедшие по понятным причинам открытого отражения в последней программе, не случайны. Коммунизм, по Кургиняну, замечателен диалектическим воспроизведением феодальной иерархической структуры, основанной не на стихии рынка, а на централизации, элитарности, традиционности и религиозной идее. Коммунизм был интересен нашему аналитику, покуда им можно было прикрывать свои «неофеодальные» фашизоидные симпатии. Теперь он походя списывается как «марксистская утопия». «Неофеодальная» же схема выступает наружу, когда предлагается в альтернативу «перемалыванию людей в рыночной экономике» в сельских районах России, Средней Азии и Северного Кавказа освоить «наукоемкие, но операционально простые технологии» (что-то вроде лепрозориев или ЛТП XXI века).

Таким образом с опорой на структуры **традиционного общества** и **интеллектуальную элиту**, «доросшую до психологии и мироощущения индустриализма», создается новая социальная гармония.

Правда, уверенности в легком торжестве этой гармонической идеи у авторов нет. И не случайно столь видное место в представленной схеме занимают вопросы борьбы с организованной преступностью, теневой экономикой и т. д. Именно здесь находится стержень практических рекомендаций. Вместе с объемным перечнем запретительно-карательных мер предлагается создание при МВД СССР сил быстрого реагирования «на межнациональные конфликты, акты массового противоправного терроризма и экстремизма».

Здесь обращает на себя внимание интересный нюанс: почему при МВД, а не при КГБ. Дело в том, что Кургинян, очевидно, замышляет сей прожект под себя, зародыши таких отрядов уже пестуются в ЭТЦ под вывеской некоего «Института молодежи». В МВД люди Кургиняна чувствуют себя как дома, в то время как профессионалы из КГБ считают их выскочками и испытывают некоторую брезгливость.

Потенциальным объектом деятельности этих отрядов может стать практически каждый. Если кто думает, что, коли он не брал в руки финки или отмычки, ему бдительный кургинянец не страшен,— это большая ошибка. У нас уже есть исторический опыт борьбы с «троцкистами и иными двурушниками».

В «Советской России» эксперты ЭТЦ утверждали, что криминализованное население у нас составляет 15 процентов. Если исключить малолетних детей, это будет минимум каждый пятый. Поистине Маленков с Ежовым со своими 5 процентами «врагов народа» могут только позавидовать Кургиняну. Каким образом оформить на тех или иных политических противников криминал, эксперты разберутся, на то у них есть начальник отдела НИИ МВД СССР товарищ Овчинский.

Кургинян в свое время выражал уверенность, что для разгона демократических парламентов и местных Советов понадобится один громкий окрик. Его рецепты построены на этой уверенности. А ну как не разбегутся, как не разбежались в Литве в январе и в Москве несколько дней назад? Понимают ли высокие спонсоры Кургиняна и его корпорации потенциальную кровавую цену рецептов своего придворного аналитика?

Сергей Кургинян, конечно, натура художественная и человек, так сказать, сильно возбудимый. Но когда в качестве заказчика фашизоидной программы выступает МГК КПСС, его газета отдает ей практически весь номер, официозная программа «Время» анонсирует ее на всю страну, возникает закономерный вопрос: **товарищи шутят или они уже?**

Коротко

Изобилие будет недолгим

СЕГОДНЯ МНОГИЕ москвичи проснулись с чувством легкого возбуждения. Реформа цен, о которой в течение пяти последних лет судачили в курилках, на страницах газет и с высоких трибун, свершилась. Мягкой рукой от правительственных щедрот жители столицы получат четыре с половиной миллиарда рублей компенсации. Специалисты предсказывают, что 10—15 процентов продовольствия не будет раскуплено, а промышленных товаров еще больше — 30 процентов. Должно «состояться» изобилие.

Чтобы рассеять туман в собственных головах, займемся устным счетом. Общий объем товарооборота в городе в прошлом году был 33 млрд. руб. На 11 млрд. руб. делают покупки приезжие, на 22 — москвичи. Фонд оплаты труда в прошлом году у нас был на уровне 26 млрд. руб. Первое действие: сложим последнее число с правительственной компенсацией — 30,5 млрд. руб. Зарплата будет расти на 10—12 процентов — прибавим еще 4—4,5 млрд. руб., и теперь москвичи имеют в карманах около 35 млрд. руб. Цены выросли, и торговля может предложить нам еды и телевизоров на 55 млрд. руб. плюс вздорожавшие платные услуги — и перед нами шестидесятимиллиардное изобилие. Отнимем то, что есть в наших карманах, — и на прилавках остается товаров на 25 млрд. руб.

Специалисты полагают, что из 19 млрд. руб., хранящихся в сбербанках города, в лучшем случае возьмут половину этой суммы, и все равно на 16 млрд. руб. разносолов и прочих видеосистем никто не купит.

В прошлом году мы проели 15 млрд. руб. Приезжие скушали всего треть. В этом году желудок обобщенного москвича должен поглотить продовольствия на 25 млрд. руб. (10 млрд. умножим на рост цен в 2,5 раза). Если разложить эту сумму на все население города по месяцам, то выходит, что в среднем каждый из нас потратит в продовольственном магазине около 240 руб. По мнению муниципальных экспертов, этой и половины этой суммы нет у трех миллионов москвичей: пенсионеров, студентов, инвалидов, матерей-одиночек.

Председатель Мосгорисполкома Ю. Лужков сообщил, что всем малоимущим будет доплата в размере 120 руб. из фонда социальной помощи. В идеале необходима дотация 37 млрд. руб. (из нового товарооборота вычтем старый). А компенсация, выданная Москве, составляет около 15 проц. требуемой цифры. Правительство в очередной раз слукавило, утверждая, что оно скомпенсировало 85 проц. повышения цен. Правительство, имеющее все законные основания грабить людей, делает это решительно, с ужасно глумливой улыбкой на лице.

Специалисты Мосгорисполкома прогнозируют такое развитие событий: уже в апреле произойдет заметный спад спроса на товары и услуги. Во II квартале текущего года он будет больше, чем в следующих, так как часть жителей создала запасы в период ажиотажа. Юрий Лужков уточнил, что к концу года высокосложной техники не будет продано на 10—15 млрд. руб.

В этой довольно сложной обстановке председатель Мосгорисполкома до сих пор не встретился с начальником Главного управления МВД по Москве и Московской области генералом Шиловым.

Г. Попов считает, что продукты будут только потому, что люди сделали запасы.

Что собираются делать Моссовет и исполком? Первое — увеличивать фонд социальной защиты трудящихся, далее — создавать дополнительные рабочие места, а также помогать кредитованием слабым предприятиям.

За проезд 15 копеек, но неизвестно когда

ВЧЕРА, 1 апреля, президиум Моссовета после бурной дискуссии все же принял решение установить стоимость разового проезда на городском транспорте в размере 15 копеек и поручить постоянной комиссии по социальной политике разработать систему льгот для малоимущих жителей города. Это не первоапрельская шутка, а вполне серьезное решение. Правда, когда будет введен новый тариф, пока точно не известно. Определить это должен исполком в соответствии со сроками технической готовности к введению новых расценок самого общественного транспорта.

По словам председателя исполкома Юрия Лужкова, на это, возможно, потребуется месяц.

М. К.

Коротко

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ

О так называемом «переходе к рынку»

Андрей Блохин,
Николай Соболев,
Михаил Юлкин
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ АН СССР

О ПЕРЕХОДЕ к рынку говорят сегодня буквально все. Однако мало кто отдает себе отчет в том, что это означает практически. Многие склонны если не истолковывать эти слова буквально, то по крайней мере придавать им некий идеальный смысл — как бы не замечая или не желая замечать, что рынок уже давно и вовсю хозяйничает в нашей экономике (ниже мы постараемся это обосновать).

Идеалы же вещь сугубо индивидуальная. Если для одних идеалом служит цивилизованный рынок западных, а теперь уже отчасти и восточных стран, то другие выступают за неведомый природе рынок, на котором в интересах большинства населения трудовые коллективы добиваются новых побед под руководством авангарда всех трудящихся. И хотя те и другие говорят о переходе к рынку, ясно, что в последнем случае борьба за воплощение идеала и переход к рынку будет означать на деле уничтожение рынка в собственном смысле слова и возврат к прежнему бюрократическому «рынку», ключевой фигурой которого является не предприниматель, заинтересованный в том, чтобы произвести и реализовать продукт, а чиновник, ведающий распределением.

С другой стороны, ратование за немедленное введение рынка «как у них» тоже лишено оснований. Создать рынок по заданной схеме нельзя. Уже при усилении, что за нее проголосовало квалифицированное большинство депутатов парламента. Рынок формируют сами его участники — преследуя каждый свою выгоду, приноравливаясь ради этого к конъюнктуре, заключая сделки, инвестируя, производя, продавая и покупая, устанавливая определенные писаные и неписаные правила поведения. Государство может участвовать в этом процессе и тем самым регулировать его, оказывать на него влияние. Но игнорировать естественный ход вещей оно не может. В этом случае его ждет обструкция со стороны остальных участников рынка.

За разговорами о переходе к рынку как-то сама собою сложилась и распространилась точка зрения, что начало переводу экономики на рыночные рельсы может положить принятие верховными органами власти соответствующих программ. Как и в большинстве социальных мифов, причина здесь перепутана со следствием.

В той или иной форме рыночные отношения в социалистическом народном хозяйстве страны существовали всегда, несмотря на непрекращающееся идеологическое, уголовно-правовое и иное давление. Более того, сфера влияния рынка постоянно расширялась, захватывая не только традиционную для себя криминальную и прилегающие к ней области деятельности, не только сектор частного мелкотоварного производства, но и крупные производственные структуры, и партийно-государственный официоз. На рубеже 70—80-х годов в орбиту рынка оказались вовлечены практически все слои населения. И тогда же подавленность, угнетенность рынка стали осознаваться как проблема.

В бюрократических структурах отношения власти и управления все более приобретали характер сделок. Право принятия решений (или возможности влияния на решения) обменивалось на доступ к дефицитным потребительским благам, должностные назначения, приоритет в распределении продукции и другие аналогичные блага. Сложилась и своеобразная конкуренция за контроль над теми или иными сферами обращения товаров и услуг.

Со временем участники этого «бюрократического рынка» все более ощущали естественную потребность обращать в капитал источники своих доходов. Те ограниченные возможности капитализации, которые обеспечивались путем должностного роста, расширения круга связей, назначения «своих» людей, уже не отвечали их интересам.

В производственно-хозяйственной сфере зарегламентированный донельзя товарообмен между предприятиями, осуществлявшийся строго по разнарядкам и иным предписаниям, имел своей оборотной стороной весьма оживленную, изобретательную, хотя и невидимую стороннему глазу «торговлю», объектом которой были планы, лимиты, фонды, штаты и т. д. Такая торговля составляла подлинную экономическую подоплеку взаимоотношений предприятий между собой и с вышестоящими органами.

Неудивительно поэтому, что со временем эти неформальные отношения практически подменили собой товарно-денежный продуктообмен и полностью оторвались от него. Получить фонды стало целью, а произвести и реализовать продукт — средством, одним из многих и далеко не лучшим. В конечном счете все эти фонды, лимиты, кредиты стали обесцениваться, все труднее становилось их «оторвать». Именно эти, инфляционные по сути, процессы трактуются чаще всего как кризис командно-административной системы.

Реакцией на них явилось развитие прямого, нерегламентированного продуктообмена между предприятиями, который, постепенно разрастаясь, оформлялся в альтернативную систему обращения. В отличие от официальной эта система строится на сугубо добровольной основе. Реальную покупательную силу в ней имеют не фонды и лимиты, а различные дефицитные товары — такие, как спирт, железо, кабель, горюче-смазочные материалы и т. д. — играющие роль своеобразных денег. Однако эти «деньги» имеют ограниченное хождение, и, чтобы «купить» нужный товар, зачастую приходится осуществлять громоздкие, многоступенчатые цепочки обменов.

Сама логика этого процесса подвела к тому, что возникает вполне осознанная необходимость в твердой национальной валюте, способной заменить многочисленные взаимные зачеты и товары-эквиваленты. Объективно растет потребность в переходе к более простым и высокоорганизованным формам обмена.

Тесно стало и теневому сектору, который уже не может развиваться, ориентируясь только на спрос или на высокодоходные группы населения, перестраивать свою коммерческую политику в расчете на широкого, массового потребителя и испытывает в этой связи определенные трудности.

В сложившихся условиях и дельцам от бюрократии, и производственникам, и теневикам (во всяком случае наиболее крупным и дальновидным из них) более выгодной становится легализация рыночных отношений, чем сохранение прежнего положения. Дальнейшее развитие рынка и реализация его преимуществ требуют большей открытости и общественного признания.

Этой цели и отвечали программы «перехода к рынку», появившиеся во второй половине 80-годов. В самом факте их появления отразились не столько желание и политическая воля руководства страны, сколько именно достигнутый уровень зрелости рыночных структур и объективная необходимость институциональных и других изменений в экономике, отвечающих этому уровню.

Кризис прежних рыночных отношений привел к тому, что все виды капитала (и крупные, и средние, и мелкие) ищут сегодня новые формы существования. Именно их общее давление во многом привело к развалу идеологических, административных и других норм, блокировавших новые высокоэффективные сферы.

Это давление носит чисто экономический характер и создается конкуренцией капиталов. И дело не в том, что сегодня конкурируют старая бюрократия с нарождающимся предпринимательством. Наиболее острая конкурентная борьба происходит сегодня между различными группами хозяйственно-бюрократического капитала за новые сферы хозяйствования. Именно они подстегивают друг друга в освоении рыночных механизмов, торопясь занять более выгодные и более перспективные позиции.

Крупный бюрократический капитал, существовавший раньше в системе государственно-партийно-хозяйственно-теневых отношений, постепенно эволюционирует к более цивилизованным и более законным формам, таким, например, как АНТ, многочисленные СП при госструктурах и другие.

Новые возможности осваиваются и на уровне министерств, ведомств и крупных объединений. Накопленная ими административная власть (обеспечивавшаяся участием в распределении ресурсов) постепенно превращается в финансовую благодаря присвоенному сегодня праву на долю отчислений от прибыли предприятий, арендную плату либо контрольный пакет акций бывших государственных предприятий. Со временем эти структуры трансформируются в аналоги промышленных концернов, консорциумов и финансовых групп. При этом демонополизация старых сложившихся предприятий и организаций будет сопровождаться возникновением новых монополий — финансовых, промышленных, торговых и других «гигантов» на новой, рыночной основе.

Эти процессы далеко не всегда являются простым переименованием и «пересадкой» руководства из одного кресла в другое. Во многих случаях во главе подобных структур становятся люди, обладающие достаточно ярко выраженными рыночными мотивациями.

На уровне средних и мелких предприятий хозяйственная практика также предложила обилие разнообразных новых моделей поведения. Осторожное освоение различных видов подряда, первой и второй моделей хозрасчета, переход предприятий или цехов на аренду или в кооперативную собственность уже вытесняются превращением государственной собственности в акционерную, а в некоторых случаях и в частную.

Освободившееся экономическое пространство создало возможности для легализации и развития частного предпринимательства — в форме кооперативов, фермерских хозяйств, индивидуально-трудовой деятельности, собственно частных предприятий.

Сегодня уже не удивляют полностью иностранные предприятия на территории СССР, работающие и на внешний, и на внутренний рынок и реинвестирующие прибыль в рублях.

Собственно весь период 1987—1990 годов можно охарактеризовать как широкомасштабный поиск разнообразных форм нового экономического поведения. Самостоятельной ценностью стало именно многообразие форм. Инициатива их возникновения принадлежала и государству, и предприятиям, и населению. Этот этап был объективно необходим всем участникам рынка для «инвентаризации» форм экономического поведения, переоценки методов хозяйствования и проверки их на практическом опыте. Он стимулировал также широкую хологических ценностей, стереотипов поведения, стандартов потребления.

Этот пероиод характеризовался нестабильностью правовой и экономической ситуации, постоянно меняющимися условиями деятельности хозяйственных агентов. В этих условиях в выигрыше оказались либо небольшие динамичные предприятия с быстрым оборотом капитала, легко ориентирующиеся в обстановке и меняющие сферу деятельности, либо производители, занявшие монопольное положение на рынках сырья, включающих прежде всего каналы государственного перераспределения продукции.

Специфика нынешней ситуации в том и состоит, что капитал выплеснулся на очень широкую «целину» — отсюда во многом и издержки сегодняшнего рынка. На этом потенциально очень широком пространстве может легко найти свое место любой предприниматель, так чтобы не конкурировать с другими. Отсутствие конкуренции приводит к тому, что капитал, выходя на новые рынки, приносит монопольную сверхприбыль. Возможность получения такой сверхприбыли делает выгодным освоение все новых форм хозяйствования и сфер деятельности. Такое поведение более выгодно, чем попытки создавать предприятия, аналогичные уже существующим.

Сегодняшний рынок — это прежде всего конкуренция за сверхприбыль. Лишь по мере заполнения «экономического пространства» и создания большого числа однотипных предприятий получит развитие конкуренция между ними в области цен и качества продукции.

Этот период все равно нужно пережить. Государство и другие общественные институты могли бы ускорить процесс, проводя корректную политику поддержки предпринимательства. Но в любом случае сложившийся рынок со всеми его недостатками и противоречиями, хотим мы того или нет, является продуктом деятельности реальных социально-экономических сил. И, быть может, именно это — наилучшая гарантия его будущего успешного развития.

Организациям и частным лицам.
Для пользователей IBM/PC/XT/AT и программистов — обучение работе на персональных компьютерах, языки программирования СИ, ПАСКАЛЬ, ФОРТРАН и др.; СУБД – DBASE, RBASE, KLIPPER, PARADOX и пр.; локальные сети.
тел. 453-92-28 с 10 до 20 часов.
ЭНПО «Комплекс»

ИДЕИ И ЛЮДИ

ИЗ «ЗЕЛЕНЫХ ТЕТРАДЕЙ»

Леонид Зорин

О том, что у Леонида Зорина есть заветные «Зеленые тетради», в которых — фрагментами — записана его жизнь, давно ходили слухи, но сам писатель не торопился, никому их не показывал, и только недавно первые странички из «Зеленых тетрадей» появились в печати.

То, о чем говорится здесь, никогда не публиковалось. Впрочем, сам автор, кажется, до сих пор не решился издать «Зеленые тетради» отдельной книгой...

Запись, сделанная в 1982-м. Ох, не всегда телевизор — во благо. Скольких его репортажей о времени лучше бы не видеть мне вовсе. Вот он, мой любимый Баку, в дни апшеронского сентября встречает на своих улицах Брежнева.

Незабываемая встреча! Мой город вновь сумел показать свое знаменитое гостеприимство. На всем протяжении пути, по коему следовал кортеж, стояли приглашенные толпы, им надлежало продемонстрировать всенародное ликование. Через каждые двести-триста метров плясали танцоры из филармонии в серых папахах и белых черкесках с декоративными газырями. Высокого гостя привезли в сооруженный к его визиту дом-музей восемнадцатой армии. Грузный Брежнев сидел неподвижно, значительно моргая ресницами, послушно глядя на экспонаты, но взгляд его оставался отсутствующим, он не казался ни взволнованным, ни растроганным, на отечном лице, отрешенном, почти как у Будды, нельзя было прочесть ничего. Неутомимый Гейдар Алиев являл выразительный контраст рядом с этим окаменевшим величием, с этой потусторонностью сфинкса. Он был не только радушный хозяин, нет, он-то и был герой-триумфатор. Во время торжественного заседания важно усевшаяся в президиуме республиканская элита (функционеры, старцы-писатели, артисты, деятели науки, щедро обласканные и взысканные) не отрывала восторженных глаз от своего прямого шефа, будто только и дожидалась — знака, слова, взмаха руки. Было видно, что он занимает их больше, чем залетный московский вождь. Брежнев дважды начинал свою речь — вышла досадная накладка. Впрочем, она никого не смутила, точно ее и не было вовсе. Проводы были такими же пышными, как и встреча, — снова шумные толпы и снова парящий над всеми Алиев, грудью своей готовый прикрыть старшего брата, отца, муэллима. Лицо его излучало счастье, восторг, сияние торжества. Но вот старый больной человек исчез в относительной недосягаемости — исторические дни завершились.

Сидя в Москве у телевизора, я всматривался в бакинские улицы, исхоженные в далекие годы. И горькое, стыдное чувство обиды тоскливо барахталось в груди.

— ⊙ —

Запись 1986-го. 34-й или 35-й? Во всяком случае, мне едва ли многим больше десяти лет, и совсем недавно местным издательством была выпущена моя детская книжечка.

Летний вечер в бакинской филармонии, в раковине под открытым небом. Небо, как смоль, звезд почти нет, снизу невнятно доносится гул — в двух кварталах отсюда шумит Каспий. Сцена ярко освещена точно впаянными в подмостки — по всей их дуге — желтыми лампочками. Я их давно успел сосчитать — двадцать восемь золотых светляков. Пока что сцена еще пуста, пуст наполовину и зал, зрители ходят вдоль балюстрады также под распахнутой бездной. Я стою совсем близко от артистической. Мимо проходит группа людей, они оживленно переговариваются. Чуть поодаль — точно сам по себе — идет человек — невысок, коренаст, редковолос, на квадратный торс давит могучая голова. Крупный, каменный подбородок, вперед выпирающая грудь. Он — в черном костюме, в белой рубашке, без галстука, не то что другие.

Самед Вургун, черноволосый, упругий, счастливый молодостью, вошедшей в цвет, и предчувствием близкой славы, весело окликает гостя.

— Егише, — говорит он ему, — погляди, вот наш юный поэт.

И с улыбкой подводит меня к нему. Незнакомец оглядывает меня, чуть прищурясь. Кладет ладонь на мои кудряшки. «Уже пишешь стихи? — рокочет он и качает громадной головой. — Рано начал. Сила нужна». Он проходит в комнату за сценой, а я иду в зал — третий звонок. Выступают армянские поэты. Я уж не помню их имен, кроме имени Наири Зарьяна — что поделаешь, столько лет... Наконец на эстраду выходит он, мой новый знакомый, Егише Чаренц. Так же прищурясь, он смотрит на зал, будто хочет понять, кто мы, пришедшие. И медленно, словно перекатывая непокорные армянские камни, исторгает рокочущие слова. Я не понимаю их смысла, но чувствую силу каменотеса. Вот почему он сказал: нужна сила. Он хотел, чтоб я понял: мне рано писать, у меня силы нет и не может быть. Но нет — я вспоминаю прищур — похоже, что думал он о другом. О чем же? Да откуда ж мне знать? И лишь теперь, полвека спустя, сдается, я понял, о чем он думал. «Рано начал. Сила нужна». Рано вышел в путь, а он длинный и тяжкий, нужна сила, может и не хватить. Смотри же, мальчик. Не надорвись. Копи силу. Не растрать свою силу.

Господи, как далек тот вечер. Нет Чаренца. Есть город Чаренцаван. Нет Чаренца. Есть арка Чаренца. Нет Чаренца. Мог ли я думать тогда, глядя на эту львиную голову, что не пройдет и нескольких лет и он разобьет ее о тюремную стену?

— ⊙ —

Было поистине редкой удачей родиться в этом немолчном городе, с его улицами, ползущими в гору, с громкоголосыми дворами, с его приземистыми домами с застекленными галереями, бухтой-дугой, с приморским бульваром, мостками купален, входящими в воду, прогретую неистовым солнцем, сладко пахнущую мазутом, с пестрой многоязычной толпой. На скверное время пришлось наше отрочество, на самый исход тридцатых годов, и столько друзей из нашей стайки тогда потеряли своих родителей. Но если они смогли устоять, не потухнуть, не замкнуться в себе, не проклясть свою жизнь, весь этот мир, то многим наверняка обязаны особому бакинскому духу. И вот что еще было врожденным — в этой многоязычной семье подростки никогда не задумывались над этническими проблемами.

— ⊙ —

Запись 1990 года. Котик Адамов был моим другом с той незапамятной поры. Вместе ходили в Дом пионеров заниматься шахматами — пора безумия! — ни о чем, кроме шахмат, не было речи. Котик был душою кружка. Причем среди нас он был самым тихим. Но именно мягкостью и негромкостью он завоевывал сердца. То было пленительное создание — открытость, готовность подставить плечо, какое-то — не побоюсь сказать — патрицианское благородство, хотя геральдическое его древо, насколько я знал, было очень скромным. В последнем классе его захватило новое страстное увлечение — сцена, она и оказалась его призванием и судьбой. Снова кружки — теперь драматические, — потом студии, молодежный театр, а затем и Театр русской драмы, которым Баку давно был славен. Служили в нем Жаров, Наум Соколов, Раневская, несколько позже — Бельский. Котик занял в нем достойное место — ему особенно удавались характерные, комедийные роли, его органика, душевная грация, его мягкость делали юмор объемным, как бы одухотворяли его. Малопомалу мой школьный друг стал неотъемлемой частью города, его любили и им гордились. Но неизменно, даже тогда, когда он был уже Константином Гайковичем, народным артистом, кумиром зрителей, он все-таки оставался Котиком — даже для незнакомых людей. Можно сказать, он сросся с Баку, и, когда однажды его убедили перебраться в ереванский театр, его хватило едва на сезон — не мог он жить без бакинской бухты, без ветра, пахнущего волной, без бульвара, где прошло наше детство, без улиц, стремящихся в вышину, без родного Армениканда — так называли его район.

Мы переписывались регулярно, когда он появлялся в Москве, встречались, всласть вспоминали былое. Здоровье его на глазах убывало, но он был мужественным человеком и стойко противостоял своей хвори. Только почти перестал играть, предпочитая ставить спектакли.

В последний раз он появился в Москве уже в феврале девяностого года, после ужасных январских дней. Он был растерян, раздавлен, смят. Два дня, когда бушевали погромы, старый товарищ-азербайджанец прятал Котика у себя, на третью ночь Котик ушел, не смог подвергать друга опасности — скрывавший от толпы армянина рисковал своей жизнью и жизнью детей. Все бросив, не захватив и узла, на переполненном пароме, где сгрудились уцелевшие беженцы, он добрался до Красноводска. Оттуда уже прилетел в Москву. Он не мог понять ни того, что случилось, почему его город его исторг, ни того, что ему делать в мире. Я тоже не мог себе представить, как будет он жить, как будет дышать, выдернутый кровавым безумием из почвы, в которой укоренился. Нельзя было даже вообразить Котика без его Баку, точно так же, как и Баку — без Котика. И в самом деле, прошло три месяца, и Котик умер, еще одна жертва этого сумасшедшего века, «национального возрождения» и человеческого вырождения.

— ⊙ —

Проклятый, ненавистный январь! Едва только кончили убивать, едва унялась слепая от злобы, бессмысленная погромная сила, еще кровь не высохла на мостовых, не улеглись каспийские волны под паромами с беглецами, а на несчастных бакинских улицах тяжко загрохотали танки. «Броня крепка» — спасти, утвердить готовые рухнуть структуры власти. И снова валились замертво люди, теперь лилась азербайджанская кровь, смешиваясь с русской, с еврейской — взрыхляя землю бакинской кровью.

Увижу ли я снова тебя, солнечное мое гнездо? Узнаю ль тебя, если увижу? Вернется ли оно снова к тебе, щедрое вешнее дыханье? Услышу ль вновь дорогие слова — «национальность — бакинец»?

Запись 74-го года. «Однажды на «Варшавской мелодии» меня представили как автора пьесы плечистому, крупному человеку в просторной куртке из бежевой замши и белом — под горло — свитерке, называемом водолазкой. То был Георгий Константинович Жуков. Пока шел антракт, мы пили чай в кабинете Рубена Симонова, говорили об искусстве, о творчестве.

Тема застольного разговора навела меня на неуютные мысли. Глядя на маршала, я все думал, что он ведет нелегкую жизнь. Несколько десятилетий назад по слову этого человека двигались миллионы людей, рассекали фронты, занимали страны. Это и было его искусство, его творчество, пора вдохновенья. И вот, в сущности, столько лет он не реализует себя! К восторгу и радости всех на земле ведет отставную мирную жизнь — ходит в театры, пишет мемуары. В 1813-м Бертье бросился в ноги Наполеону: «Сир! Мы призываем пятнадцатилетних! Это — дети. Франция обескровлена. Сир! Враги согласны на то, чтоб наше отечество осталось в границах 1792-го! Подпишите мир, и вы заслужите благословение матерей!» Наполеон топнул ногой: «Встаньте с колен и замолчите! Вы ничего не понимаете! Я — солдат, мне нужна война». Предвидел он в этот миг Ватерлоо? Очень возможно. Но тут прогремел голос творческого человека. И заглушил голос рассудка.

— ⊙ —

Нечто похожее невольно вырвалось у Уинстона Черчилля 9 мая 45-го года. Он сказал своему врачу Моренду: «Итак, Моренд, это действительно мир? Какой тоскливой станет жизнь!»

— ⊙ —

Впрочем, у Черчилля было перо, столь искусное, что он получил Нобелевскую премию по литературе. Да и Наполеон не был лишен эстетического восприятия как мира, так и собственной личности, помещавшейся, как легко понять, в центре этого мира. Впрочем, он ведь и жил в ту пору, когда художественное начало в какой-то мере диктовало поступки, а яркое слово имело вес. Порой — и решающее значение. Взбешенный долгим сопротивлением наглухо осажденной Севильи, он посулил ее коменданту, что «сбреет город с лица земли». Но тот ответил: «Вы этого не сделаете. Вы не прибавите к своим титулам звание севильского цирюльника».

И Наполеон снял осаду. Нам досталось иное время.

Тем не менее надо признать, что эстетические разногласия сплошь и рядом предшествуют политическим и даже нравственным противоречиям. Само собой, в девятнадцатом веке, даже и на исходе его, это ощущалось отчетливей — для Леонтьева даже эголитарность была неправедна и несносна, поскольку он чуял ее враждебность всяческой красоте и изяществу. Тут, понятно, перед нами предельное, если не запредельное состояние и выражение чувства прекрасного. Но безусловно характерно, что и в нашем благословенном столетии всех замечательных русских людей черносотенство, например, угнетало в первую очередь своей бездарностью. Русских гениев от него тошнило. В словах Ильи Репина очень явственно омерзение истинного художника: «Эти отродья татарского холопства воображают, что они призваны хранить исконные русские идеи. Привитое России хамство они все еще мечтают удержать (для окончательной гибели русского народа) своей отсталой кучкой бездарностей, пережитком презренного рабства. Нет слов, чтобы достаточно заклеймить эту сволочь».

— ⊙ —

Совсем еще молодым человеком, несколько месяцев назад переступившим двадцатитрехлетие, приехал я в город своей мечты, в Москву-победительницу, Москву-юбиляршу, отпраздновавшую лишь год назад восемь веков со дня рождения. И в первую же зимнюю попал в клокочущий, кипящий котел идеологической мясорубки — молот опустился на головы несчастных безродных космополитов.

Запись 1967-го. 1949-й, февраль. Мне — 24 года. В Союзе писателей, в ЦДЛ (в том зале, где теперь ресторан), идет партийное собрание. Председательствует Софронов. Он поднимается, толстый, могучий, гранитно уверенный в себе:

— Мы будем сегодня разбирать персональное дело Иоганна Альтмана, двурушника и лицемера, буржуазного националиста. Вы видите, он нацепил на себя все свои ордена и медали, нацепил и гвардейский знак. Посмотрите на этого «гвардейца». Недаром все его называли «орденоносцем». Очень верно! Цинизм этого человека дошел до того, что он развел семейственность даже и на фронте. И его жена, и его сын служили под его крылышком во фронтовой редакции. Впрочем, вам подробно об этом расскажет товарищ Романенко.

На трибуну выходит маленький, с лицом гомункулуса, Даниил Романенко:

— Мы служили вместе, я имел удовольствие наблюдать эту семейную идиллию. И жена, и сын пригрелись под теплой заботливой рукой главы семьи.

Крики из зала: Позор! Гнать Альтмана из партии!

Альтман: Я прошу слова.

Общий гул: Нечего давать ему слово! Не о чем тут говорить! Позор!

Альтман едва стоит. Он бледен. С лысого черепа стекают капли пота. Я вспоминаю его биографию: старый партиец, участник гражданской войны. Попадались мне и его статьи — работы не бог весть какого калибра, фанатически ортодоксальные. Я смотрю на него, на его глаза, вижу — он ничего не понимает.

Голос из зала: Была жена в редакции?

Альтман: Была.

Голоса: Был сын?

Альтман: Был и сын.

Общий гул: Довольно! Все ясно! Вон с трибуны!

Альтман: Я прошу две минуты! Две минуты.

Наконец зал недовольно стихает. Альтман начинает — его голос срывается, слова скачут, глаза блуждают. Впечатление такое, что он в бреду.

— Видите, жена должна была ехать в Чистополь... Вместе с другими женами писателей... Она была в списках эвакуируемых... Но ведь она... она — старый член партии... Она стала проситься на фронт... Она настаивала... я ее взял в редакцию. Что было делать? Пожилая женщина... сорок шесть лет... Вы ж понимаете... Какое ей было найти применение? Она работала хорошо... имела награды... Возможно, действительно надо было вместе с другими женами поехать в Чистополь... Может быть... Но она говорила: только на фронт. И я взял ее в редакцию. Это правда.

Теперь — мой сын... Когда началась война, ему исполнилось только пятнадцать лет, и он тут же сбежал на фронт. Его вернули. А он сбежал снова... И снова вернули, и опять он пытался... Он сказал мне: папа, я все равно убегу. И я понял — убежит. Что делать, уж так он был воспитан. Тогда я и взял его в редакцию... Просто другого выхода не было... И вот, в возрасте пятнадцати лет и четырех месяцев, выполняя боевое задание, мой сын был убит. Вы, товарищ Романенко, стояли со мной на могиле моего мальчика — зачем вы говорите о семейственности?

Альтман смолкает. Глаза его блестят горячечным лихорадочным блеском. Кажется, сейчас он сойдет с ума.

Четыреста писателей, четыреста властителей дум, не реагируют на эту попытку оправдаться. Кто пожимает плечами, кто криво улыбается, кто требует, чтобы Альтман сошел с трибуны.

Он садится. Поднимается великолепный Софронов:

— Вы видите, товарищи, что этот человек органически неспособен быть перед партией искренним. Он виляет. Каждую минуту виляет. Он петляет, заметает следы. Что-то бормочет о своих заслугах и жертвах, как будто бы все другие, все мы не несли жертв и потерь. Если б в нем осталась хоть капля партийности, он должен был дать как коммунист политическую оценку своему поведению. Рассказать, например, как он бегал с листом собирать средства для тонущего еврейского театра. Но какой уж он коммунист? Такому человеку не место в партии.

Альтмана исключают. Но на этом его испытания не кончаются. Проходит время — немалый срок — мы узнаем, что он арестован. Он возвращается инвалидом. Все понимают, что он обречен.

Но он повторяет как одержимый: пока не получу партбилета, я не умру. В конце концов он получает свой партбилет. Получает и сразу же умирает.

С тех пор прошло почти двадцать лет. Все мы изменились, пожухли. У Софронова было в жизни горе — умерла любимая женщина. Впрочем, он мужественно перенес эту беду и скоро женился на сравнительно молодой даме. Полон сил, редактирует журнал «Огонек». Этот журнал выступает часто и по сложным вопросам искусства — боевито, идейно, непримиримо.

Даниил Романенко преподает в Литературном институте — взращивает писателям смену. Он мало изменился — счастливая конституция...

Примечание 90-го года. Теперь они умерли — и тот, и другой.

Убожество ищет себе опоры в дряхлых идеологических догмах. Герман Гессе давно заметил: «Никто, как известно, не пишет хуже, чем защитники стареющей идеологии, никто не проявляет меньше опрятности и добросовестности в своем ремесле, чем они».

— ⊙ —

Недаром любимый девиз этой публики все тот же: «Не боги горшки обжигают». О да! У богов — другие дела. Беда не только в том, что стряпуха не научилась управлять государством, а в том, что она разучилась стряпать.

— ⊙ —

Впрочем, есть свое назначение и у бездарной литературы — отражать эстетический уровень жизни.

— ⊙ —

Для начала не худо бы согласиться, что идеология — не эстафетная палочка и, тем более, не недвижимость. Не продается и не наследуется. «Кто идет за идеями, не опередит их!» — воскликнул однажды Микеланджело.

— ⊙ —

Как видно, в идеологическом пафосе есть нечто мертвящее, неестественное. Недаром религия всегда лишь крепла, пока оставалась нравственным кодексом, но изменяла самой себе, когда становилась идеологией. Идеология — мать нетерпимости. Выбор ее как основы жизни означает выбор в пользу смерти.

— ⊙ —

Оттого-то и мученичество, освященное величественной религиозной традицией, опасно, если оно обусловлено не столько реальной обстановкой, сколько исходной установкой. Ибо тогда оно противоестественно. В своем развитии оно обретает патологические черты. И разве не потому оно вдруг стало связующим звеном между религией и экстремой? Что общего, кажется, между жертвенностью послушного Аллаху шиита и бестрепетного камикадзе? Однако ж и того, и другого жертвенность готовит к террору, равным образом как и тех, кто молится Христу или Ягве. Ибо в первооснове — все то же противоестественное начало, поставившее смерть выше жизни.

— ⊙ —

Есть известная детерминированность в поражении коммунизма. Цель его, как всем это ведомо, очень во многом совпадает с той, что завещана христианством. Поэтому ясно, что в качестве Цели он не был «первой необходимостью» — для человечества было привычнее обойтись испытанным первоисточником. Но коммунизм себя предложил, прежде всего, в качестве Средства, с чьей помощью мы сумеем доплыть до этой утопической гавани. Как Средство он и привлек умы. Однако Средство, на нашу беду, и обнаружило несостоятельность.

— ⊙ —

Запись 1980-го. «Их» модель, как правило, помогает талантливым и хватким людям. «Наша» модель имела бы шансы — пусть даже не очень большие, — стремясь поддержать тех, кто слишком талантлив, чтобы быть одновременно и хватким. Но система, которая утвердилась, помогает, как правило, хваткой бездари.

— ⊙ —

Она выработала особый тип руководящего идеолога. Полагалось считать, что эти лидеры день и ночь решают проблемы — проблемы качества, экологии, производительности труда — десятки, сотни разных проблем. Вздор! Все летело ко всем чертям. Проблема у них была одна — как-нибудь усидеть на месте. Ей-то они посвящали все силы, с утра до вечера, без выходных. Наоборот, в выходные дни, выезжая компаниями на природу, встречаясь в банях с себе подобными, намыливая бедра и ляжки, они делали главные шаги, запасались связями и информацией. Боялись уезжать в отпуска, тут-то могли и отстрелить. Так и шла эта бессонная жизнь, в которой геракловыми усилиями решалась Единственная Проблема.

— ⊙ —

Еще одна старая запись: «Весьма бурнопламенное собрание. Присутствует крупный функционер. Ораторы, как один, грохочут, аудитория негодует, упреки и аргументы вески, обвинения неопровержимы, кто-то бросает ему в лицо резкие и злые слова. Он бесстрастен. Не шевельнется и бровь. Лицо остается невозмутимым и точно намертво замураваю. Это и было лицо аппарата».

— ⊙ —

Нынешняя секуляризация культуры в нашем обществе — это ее избавление от удушливой власти идеологов, подобно тому, как в былые столетия это было ее освобождением из-под всевластия церковников. Сегодня у нас, как легко увидеть, торжествует обратный процесс — культура стремится в лоно церкви. Так вот и бегаем по кругу. Очень характерные строки из старого дневника Чуковского в мае 25-го года: «Был на панихиде — душно и странно. Прежде на панихидах интеллигенция не крестилась из протеста. Теперь она крестится — тоже из протеста. Когда же вы жить-то будете для себя, а не для протестов?»

А никогда. «Душно и странно». Душно — пожалуй, а что же — странного? Три есть кита, на которых стоит так называемое духовное общество. Первый — это не кит, а китенок — непридуманная потребность. Второй кит — в самом деле — протест. Третий китище — это мода. Впрочем, последние два кита — часто сиамские близнецы. Зоологический феномен.

— ⊙ —

Кстати, что такое духовность, которая нынче у всех на устах? Могу предложить свою дефиницию — насыщенность твоего одиночества.

Однако следует сознавать: натуры кипучие, честолюбивые, болезненно его переносят. Отторгнутые от активной деятельности, они испытывают ущемленность. Их многолетняя невостребованность, нереализованность в политической жизни нехорошо влияют на [illegible]. Дождавшись, в конце концов, своего часа, такие люди порой преподносят сюрпризы. Эволюция одного историка, некогда обличавшего сталинщину, более чем красноречива.

В высшей степени тонкое наблюдение Анатолия Федоровича Кони. Трудно верится, что эти слова написаны столько лет назад: «Внутренней дисциплины»... нет в среде людей либерального образа мыслей. Трудно себе представить больший разлад, нетерпимость, тупую либеральную ортодоксальность, которые существуют между ними. Говоря о том, что «мы друг друга едим и тем сыты», Посошков духовными очами провидел нашу либеральную партию, которая менее всего думает о необходимости сплоченности ввиду общих недугов — невежества, косности и произвола. Следы некоторой дисциплины есть, однако в среде консерваторов или, вернее, ретроградов».

Все то же! Пока одни состязаются в конкурсах на лучший проект по спасению родины, другие разглядывают мыслителей сквозь прорезь прицела, выбирая себе мишень по вкусу.

История потому нас не учит, что надежда сильнее рассудка. Постоянно при повторении уже бывшего возникает эта робкая мысль: «А вдруг на этот раз пронесет?»

АВАНГАРД, ПОСТАВАНГАРД И ПОСТ...

В Москве прошла конференция по проблемам постмодернизма

В. О. Сарт

Sic!

ВСЕ-ТО у нас не ко времени. Разгар Великого поста, а русская литература вздумала разговляться. С 13 по 15 марта в помещении Литинститута под недоуменными взглядами гипсовых классиков проходила первая в обновляемом Союзе конференция по проблемам постмодернизма.

Проблем оказалось много, и главная — что такое постмодернизм, существует ли он вообще у нас и являются ли постмодернистами те, кто приглашен в качестве таковых? Но сначала о тех, кого не пригласили. Похоже на то, что поставангардное отношение к слову, допускающее любые, самые чудовищные формы его употребления, включая абсурд и сюрреальные бездны, проникает теперь в сферы, далекие от чистого словесного эксперимента, — в частности в политику. Так, недавняя реплика И. К. Полозкова о «лжедимитриях, оседлавших троянского коня демократии», может быть адекватно понята лишь в контексте новой эстетики, с оглядкой на поэтику Д. А. Пригова или Т. Кибирова. Новое искусство входит в жизнь, лабораторные изыски получают реальное применение, принимают вид политических лозунгов. Полозкова, однако, на постмодернистскую конференцию не пригласили — все-таки тут не съезд писателей России...

Три дня конференции — это около 40 докладов и сообщений, это выступления поэтов и прозаиков, спектакли, рок-концерты. Лидировали, естественно, москвичи. Москва пока остается столицей советского постмодерна. Правда, пригласили и ленинградцев — критика Золотоносова и поэта А. Драгомощенко, но почему-то отсутствовал прозаик и издатель первого в стране «постмодернистского» журнала «Вестник новой литературы» М. Берг (который был представлен лишь как объект исследования в докладе докт. фил. наук Н. Тамарченко). А из Свердловска приехал Курицын. Но, правда, обещают, что если все обойдется, то на следующий год конференция примет характер общесоюзной (при условии, что такой термин еще будет существовать), а со временем — страшно сказать — вообще международной. Тогда, наверное, можно будет пригласить и зарубежных гастролеров — Д. Пригова, А. Парщикова, М. Эпштейна...

«Возрастного ценза» для участников не существовало. Семидесятилетний Игорь Холин соседствовал с двадцатилетним Ильей Бражниковым. Смешение лиц и возрастов, смешение стилей — словом, полистилистика во всех смыслах, когда с равным интересом слушали и традиционные, но внутренне напряженные стихи С. Гандлевского и стопроцентные центоны М. Сухотина.

Конференция была и научной, и творческой, и ненаучной, и паратворческой, словом, здесь наличествовали все возможные устные жанры (включая скучные) — от непристойного анекдота до психолингвистической зауми. Академические доклады чередовались с авторскими чтениями; исполнение народных песен в стиле country, где содержались настоятельные рекомендации некоему гипотетическому Ивану выращивать свой желтый банан, — с театрализованной репетицией Романа Виктюка, который вынужден был то и дело прерывать демонстрационно-творческий процесс окриком, обращенным в зал: «Коммунисты! Закройте дверь!» А ведь все это происходило в том же самом зале, где некогда какой-нибудь А. Межиров декламировал свои «Коммунисты, вперед!..» Обидно, что для полноты постмодерного эффекта не хватало самого поэта.

Впрочем, цитация, или, как ее именовали по-научному, «центонность» — один из главных признаков поставангардного искусства — стала лейтмотивом конференции. Цитировали все и цитировалось все — от речей Сталина до текстов Мандельштама и друг друга. Из шестидесяти выступавших избег центонности разве что один председательствующий — критик В. Новиков, новый проректор Литинститута, который и сделался душою этого постмодернистского сборища. И не только душой. Он, кажется, единственный, кто мужественно просидел трехдневный марафон авангарда, переходящего в пост..., не пропустив ни одного доклада, ни одного чтения, с равным радушием принимая и рассуждения Викт. Ерофеева о «мерцающей эстетике», и наглядные иллюстрации этого термина, которые били и в бровь, и в глаз, и в пах соцреализму.

Кстати, о предпоследнем. Если составить частотный словарь конференции, то на первом месте окажется непечатное наименование мужского полового органа. «Говно» и «жопа», которые, кажется, уже прочно отвоеваны нами в борьбе за гласность, отстают от чемпиона на несколько пунктов. Даже Андрей Вознесенский не избег общего пафоса, правда, с помощью цитаты, как бы прикрыв известное словцо фиговым листком кавычек. Едва ли не единственное исключение — целомудренная Т. Щербина, звезда нашей эротической поэзии.

Второе и третье места поделили два не менее неприличных для русского уха имени: «Эпштейн» и «Постмодернизм». Если о фаллосе никто и худого слова не сказал, то «крестного отца» советского постмодернизма, известного критика М. Эпштейна, отсутствовавшего по причине чтения лекций на тему конференции в американских университетах, все дружно и разнообразно ругали. Вспоминается название статьи В. В. Розанова «Когда начальство ушло». Начальство действительно ушло. Просидевший в президиуме два трудных первых часа ректор Литинститута демонстрировал чудеса выдержки и терпимости и галантно благодарил каждого оратора вплоть до того, пока явственно не услышал в свой адрес (а с ним и первые ряды) от одного из современных однофамильцев народолюбца Н. А. Некрасова: «Только тебя мне еще не хватало радовать».

Вскоре в зале установилась та атмосфера непосредственного общения, какая возникает в горшечной комнате детского сада, когда нянечка вышла и оставила детей одних заниматься своими делами.

В целом конференция прошла плодотворно. Первый день протекал под знаком некоторого недоумения. Для прекрасного поэта Г. Айги практически не существовало различий между авангардом и поставангардом — и это его право: поэт сам назначает законы, по которым его должно судить. Как всегда остроумный Генрих Сапгир не только свои стихи, но и короткое вступление к ним построил в игровой форме. Заканчивая доклад, он сказал: «И последнее. О пустоте.» (Последовала минута молчания.) Далее — аплодисменты зала. К сожалению, лаконичный и тонкий лирик Всеволод Некрасов заменил свои тексты длинным и жалобным монологом, из которого следовало, что есть кто-то, кто посягает на его, некрасовское, звание чемпиона не только Союза, но и мира по долгонепечатанию. Андрей Битов, от которого естественнее было бы еще раз услышать, будто бы «Пушкин — это наше все», неожиданно заявил, что «постмодернизм — это все». То есть все что хотите. В таком случае, если, конечно, хотите, то и Битов — постмодернист, как, по его признанию, и считают некоторые слависты на Западе. Единственный, по словам писателя, критерий ценностности в постмодернизме тот же, что и в любом другом «изме»: «Говно или не говно». И иного не дано. (Еще раз об этой субстанции, которая, сделавшись центральным и едва ли не трагическим персонажем в рассказе В. Сорокина «Обелиск», подверглась вдумчивому анализу критика Вад. Руднева, исследовавшего мифопоэтические истоки творчества В. Сорокина в духе идей М. Бахтина. Когда от филологичного пересказа докладчик рискнул перейти к непосредственному цитированию, зал глухо завыл и словно бы осел. Несколько первокурсниц выскочили вон, зажимая рты.)

К середине второго дня обнаружилось, что никто не знает, чем же все-таки поставангард отличается от авангарда, постмодернизм от модернизма. Несколько человек попытались объяснить это присутствующим. Темпераментно и убедительно говорил Андрей Зорин, выделив среди основных черт постмодернизма критерий успеха, на который ориентируется современный художник в отличие от классических авангардистов, намеренно вступавших в конфликт с обывателем.

Ленинградский поэт В. Кривулин для вящей убедительности сравнил образную систему в постмодерном искусстве с системой кредитных карточек, которые, в отличие от обычных дензнаков (авангард!), являются символами второго порядка.

Откровенных противников постмодернизма было немного. Большинство из них остались за стенами Литинститута, и поэтому дискуссии не получилось. Спорили меньше, чем на конференции, скажем, посвященной проблемам соцреализма. Одиночные голоса осуждения нового искусства (доклад И. Шайтанова и его ученика М. Кузьмина) потонули в нестройном, но гулком хоре почитателей творчества Х. Л. Борхеса, У. Эко, М. Берга, Евг. Попова и А. Парщикова.

Писательские судьбы большинства участников конференции до последнего времени складывались нелегко. И представить нельзя было, что именно Литинститут, откуда последовательно изгонялось все, что не укладывалось в рамки дозволенного, станет первым (хотя и временным) пристанищем альтернативного искусства. И уже выходя из дворика герценовского дома, кто-то обратил внимание: на стенах этого особняка только две мемориальные доски — с именами Мандельштама и Платонова. Сколько советских писателей за полвека здесь перебывало и переучилось, а помнят только двух.

«Александр Иванович Герцен!.. Разрешите представиться... Кажется, в вашем доме... Вы, как хозяин, в некотором роде отвечаете...»

ОБЩЕСТВО

СТОЛИЦА РЕШИЛА: НУЖЕН МЭР!

Кредо Юрия Лужкова—хозяйственные вопросы

Виталий Колбасюк

Москва

КОГДА БУДЕТ в Москве мэр, затрудняется сказать даже Г. Попов — один из главных поборников новой структуры власти в городе. Последние выступления председателя Моссовета в прессе были на этот счет довольно пессимистичны: пока нет Закона о статусе столицы, не будет и мэра.

Но более 80 процентов горожан хотят, чтобы ими управлял мэр. Председатель Мосгорисполкома Ю. И. Лужков сказал корреспонденту «НГ»:

— Я абсолютно положительно отношусь к этому. Нам нужна единая система городского управления, которая для начала не вносила бы сумятицы в право собственности. И эта система демократична, так как речь идет о прямых выборах мэра Москвы. Человек, занявший этот пост, пользуется у горожан большим доверием и уважением. Он может решать проблемы города в хозяйственном, экономическом, общественном и политическом плане. Это один из реальных выходов из того труднейшего положения, в которое мы все сейчас попали.

Возьмите хотя бы согласование различного рода законодательных актов. Дело доходит до того, что на один и тот же объект претендуют комитеты местного самоуправления, районные Советы и городской Совет плюс еще республиканские и союзные органы.

Такая разбалансированная система управления работать не будет. Мэр, с его функциями и правами, его ответственностью перед городом создал бы более нормальный режим хозяйствования и экономического управления городом.

— Вы хотели бы стать мэром?

— Я себя никогда не примерял к этому титулу. Свое кредо вижу в хозяйственных вопросах. Здесь моя стихия, в ней я чувствую себя достаточно уверенно и знаю, что нужно делать.

— Кто бы мог стать им?

— Кандидатурой номер один на пост мэра является Гавриил Харитонович Попов.

ПАДЕНИЕ НРАВОВ?

Треть опрошенных отвечают «да»

Опрос

ВСЕСОЮЗНЫЙ центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос среди 2263 человек по российской репрезентативной выборке.

Ряд вопросов был связан с указом Президента СССР об укреплении общественной нравственности.

Почти треть опрошенных (31%) констатировали резкое падение нравов. 45% участников опроса имеют в виду рост насилия и жестокости. 40% — безразличие людей к судьбам окружающих. 32% — распространение стяжательства, жажды наживы. 26% опрошенных считают упадком нравственности падение трудовой дисциплины. Такое же количество называют в этой связи рост числа уголовных преступлений. Столько же респондентов упоминают о распущенности современной молодежи. Почти четверть участников опроса (24%) полагают, что равнодушие к судьбе родины тоже свидетельствует о моральном неблагополучии общества.

11% под падением нравов подразумевают распространение эротики и порнографии.

Кроме того, респонденты называют проституцию (8%) и рост числа изнасилований (5%).

7% — затруднились ответить.

Допустимая погрешность составила 4%.

СВОБОДА ПРИХОДИТ НАГАЯ...

Каждому советскому городу— по улице Красных Фонарей!

Корреспондент Горячева

ПОХОЖЕ, РАБОТА комиссии по разработке неотложных мер по охране общественной нравственности, возглавляемой Николаем Губенко, завершается.

Напомним, что комиссия была создана волей президента в декабре 1990 года. Ею был подготовлен проект постановления, который, однако, вследствие своей чрезмерной жесткости был отклонен. Из компетентных источников стало известно, что это стало возможным благодаря усилиям представителей различных творческих союзов.

В ходе двухмесячной кропотливой работы комиссии выяснилась ее неспособность четко определить, что же входит в понятие «общественной нравственности» и как же охранять то, что не поддается определению. Поэтому комиссия перестроилась на ходу и взялась за создание проекта постановления Верховного Совета СССР, получившего название «О неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости». По этой причине к работе была подключена комиссия по культуре Верховного Совета СССР. Из беседы с заместителем председателя этой комиссии Олегом Чернышевым выяснилось, что комиссия приступила к работе 7 февраля и закруглилась к середине марта.

За это время были проведены заседания ученых-медиков, судебных представителей, работников таможни, прокуратуры, МВД, КГБ и юристов-правоведов. В результате был выработан трехстраничный проект постановления, который должен быть обсужден на текущей сессии ВС СССР.

Основное положение данного документа: в правовом государстве гражданин волен сам определять свои потребности (при условии, что они не будут причинять неудобства другим), но не должен навязывать свои вкусы и суждения другим. Регулировщиком взаимоотношений потребитель — продукция станет система государственной индексации печатной и видеопродукции. После создания оной хорошие (эротические) фильмы будут показываться: с пятью звездочками — во всех кинотеатрах, а низкопробные (порнографические) — в определенных кинотеатрах, максимально отдаленных от центра города.

Специализированную газетную и журнальную литературу предполагается продавать в специально отведенных для этого местах.

Кто будет решать, какую и где, известно: экспертные комиссии. Неизвестно другое: кто и где будет их создавать.

По словам Олега Чернышева, это должен решить Кабинет министров, ведь ему как органу исполнительной власти и реализовывать данное постановление.

Что радует в данном постановлении? Право решать предоставляется не представителям местных Советов (читай: два гинеколога и одна учительница), как предполагалось раньше, а квалифицированным специалистам.

Что настораживает? В проекте есть такое понятие, как «признаки порнографии». Хотелось бы знать, как будут определять эксперты таковые, если, по словам искусствоведов, до сих пор нет научных определений эротики и порнографии. По крайней мере те определения, которые я слышала от представителя ВС СССР, были крайне невразумительны: «Эротика возбуждает только в эстетическом отношении, а порнография — в половом».

Что еще радует? Таможенники могут отбирать продукцию, указанную в специальных регистрах, но если потерпевший сможет убедить, что это ему надо для личного пользования, а не для распространения,— то читайте и смотрите ради бога!

Олег Чернышев убедительно просил объяснить читателям, что под статью 228 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие ей статьи в УК союзных республик подпадает лишь незначительная часть изданий и произведений. И если у людей возникают, мягко говоря, неприятности, они всегда смогут разрешить конфликт с помощью представителей Государственной экспертной комиссии, созданной из авторитетных специалистов в области права, искусствоведения, социологии, психологии.

Правда, искусствовед В. Толстых и психолог В. Гульдман сказали, что они не уверены, есть ли сегодня в Союзе нужное количество толковых экспертов. Следовательно, есть опасения, что возможны и перегибы, как это было несколько лет назад во время кампании по изъятию эротических видеофильмов.

И последнее. В Верховном Совете СССР мне не смогли четко ответить, кто будет оплачивать работу по выполнению постановления. Там кивают на Кабинет министров, но хватит ли у того денег на его реализацию? Деньги, как заявил мне Олег Чернышев, правительство обязано найти: «Оно может нам сказать, что у государства нет денег, чтобы прокормить людей, но если оно не найдет их на реализацию постановления, возможно, в скором времени кормить будет некого».

Кто же в прессе всех милее и умнее?

Прошла генеральная репетиция конкурса «Мисс Пресса СССР»

Марина Панкова

Презентация

РАДУЙСЯ, глаз, веселись, душа,— очередную «мисс» выбираем! Уж везде выбрали, и в Москве, и в стране, и даже в КГБ... А мы чем хуже? Может, красавиц в прессе маловато? Да хоть пруд пруди! И красивых, и умных, и талантливых. В этом мы воочию убедились, побывав на презентации финала конкурса «Мисс Пресса СССР».

Небольшой зал редакции «Комсомольской правды» был забит до отказа. Зрители — в основном, конечно, мужчины — нетерпеливо ожидали появления участниц... Но... Обнаженных тел не последовало. Зато в остроумии всех 12 финалисток и в их умении ориентироваться в ситуации ни у кого не возникало сомнения. Участницы имели право задавать любые вопросы залу, и под их язвительными и веселыми пульками многим пришлось сконфуженно опускать глаза.

Победительница будет выбрана во время средиземноморского круиза на теплоходе «Грузия», который состоится в апреле этого года. Для поддержания хорошего настроения у девушек в путь с ними отправятся «Машина времени», кабаре-дуэт «Академия», певица Азиза и прочие светила отечественной эстрады.

Организаторы сказали присутствующим, что сами они довольно иронично относятся к конкурсу. Это, однако, не мешает ему быть коммерческим и одновременно благотворительным предприятием, цель которого — заработать деньги и открыть фонд социальной защиты журналистов.

«А всего их 12...»
Фото Василия Шапошникова.

Коротко

Загрязняешь — плати!

ВОДООХРАННОЙ инспекцией Москомприроды, сообщает корреспондент **«НГ» Анна Киселева**, обнаружен еще один «экологический вредитель» — Опытный завод электротехнического оборудования. В его сточных водах зафиксировано повышенное содержание железа.

Согласно эксперименту, проводимому Москомприродой, предприятия, в воздушных выбросах и сточных водах которых обнаружено превышение предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, обязаны платить штраф в созданный более года назад Экологический фонд города. 122 рубля в день — такова цена собственной безответственности, которую опытный завод будет платить Экологическому фонду до тех пор, пока не исправит положение. Копейки по нынешним временам. Однако нарушителей в Москве немало, и на счету Экологического фонда имеется уже около 4 миллионов рублей.

Стеснительная воровка

ЖИТЕЛЬНИЦА Тюмени гражданка Н. зашла в один из комиссионных магазинов города, чтобы выбрать себе комплект нижнего белья. Пожелав примерить товар, она смущенно попросила работников магазина—мужчин отвернуться. Когда через некоторое время встревоженные подозрительной тишиной продавцы наконец осмелились оглянуться, то не обнаружили ни покупательницы, ни нижнего белья, ни выставленной на продажу песцовой шубы за 10 тысяч рублей, сообщил корреспондент **«Интерфакса»**.

Чадру сменяют бутсы

НЕСМОТРЯ на возрождение исламских традиций, эмансипация в Узбекистане упорно пробивает себе дорогу. Как сообщает корреспондент **«Студикформо»**, здесь впервые объявлен платный набор девушек 12—17 лет в футбольную секцию. Любопытно, что его проводит ташкентский центр «Кинолог».

Не забыли сельского учителя

О ПРОБЛЕМАХ русской национальной школы, о возрождении сельских средних школ и изменении содержания школьного образования сообщил журналистам первый заместитель министра образования РСФСР Владимир Новичков, сообщает корреспондент **«НГ» Наталья Двойнишникова.**

Было сообщено, что в министерстве за 7 месяцев разработана программа стабилизации и развития системы российского образования. Подготовлен проект закона РСФСР об образовании.

Надбавка к заработной плате у сельских учителей будет на 25 процентов выше, чем у городских. Определена система льгот: кредит на строительство и приобретение жилья, компенсация расходов на приобретение литературы в размере 10 процентов, на питание и т. д.

Угонщик смертельно ранен

НЕКТО СМИРНОВ был задержан на Егорьевском шоссе в Люберецком районе Московской области. Он вел автомобиль, не имея документов. Младший лейтенант А. Палаткин и старший лейтенант К. Шабловский посадили нарушителя в патрульную машину, чтобы доставить в отделение. В пути Смирнов нанес три удара ножом Палаткину, затем выскочил из машины и пытался ранить Шабловского. Инспектор тремя выстрелами смертельно ранил 21-летнего жителя поселка Малаховка. Как сказал начальник отделения ГАИ Н. Арнаутов, это первый случай столкновения со смертельным исходом.

Юзеф подал-таки в суд

ЮЗЕФ Перезовский, 43-летний хозяин кооперативного еврейского ресторана «У Юзефа» как только получит официальный ответ из прокуратуры (куда обратился с жалобой на действия людей в милицейской форме, побивших его у входа в посольство США), тут же обратится в суд. «Я хочу открытого процесса!» — сказал он на днях корреспонденту **ИАН Юрию Кацнельсону.**

Юзеф не думает, что конфликт с ним произошел на почве бытового антисемитизма. «Когда меня избивали, то мои мучители твердили мне: «Забудь ты про свою гласность! Ее давно похоронили».

Коротко

Телефон службы городских новостей «НГ» — 921-58-47.

МЫ ЖИВЫ, ПОКА ЖИВЕТ ЯЗЫК

Других аргументов у русского народа нет

Александр Мещеряков

Мнение

КОГДА МНЕ говорят, что русский народ под прессом созданной им же империи выродился и не способен к творческому саморазвитию, меня это огорчает. Огорчает потому, что для этого прогноза есть самые серьезные основания: многолетний геноцид, экологические бедствия, алкоголизм, целенаправленное разрушение культуры ставят вопрос о самом существовании русского народа.

Однако в борьбе за выживание у народа имеется сильный аргумент — его язык. Собственно говоря, других аргументов просто нет. И в ближайшее время не предвидится. Ибо в генах «русского» человека столько всего перемешано, что говорить о какой-то чистопородности не приходится. И слава богу. В этом я вижу залог того, что «русский фашизм» — не пройдет. Традиционный быт полностью разрушен, и, кроме кваса с баней, от него ничего не осталось. Идея великой державы, к которой прислонялись поколения, себя скомпрометировала — не создала красоты, на которой она может держаться. Загаженная природа также ныне мало подходит для роли национального интегратора. Что остается? Язык. Великий и могучий. Видно, в самом русском языке заложены какие-то неведомые нам силы, которые позволяют ему хвалить самого себя — беззастенчиво, не краснея за сказанное и без ущерба за свое качество.

Всякий стоящий русский писатель не забывал объясниться в любви к родному языку. По самым разным поводам. В том числе и по такому странному, что «им разговаривал Ленин».

Западным людям такие восторги чужды. Они люди цивилизованные и относятся к языку как к средству передачи информации, а не как к самодостаточной ценности. Конечно, они правы. По-своему. Но нам-то что делать, если такое ординарное по смыслу словосочетание, как «на холмах Грузии лежит ночная мгла», по-прежнему приводит нас в глубочайшее фонетическое волнение?

Правда состоит в том, что язык обмануть нельзя, что пара фраз, связанных мимоходом, выдает зло с головой. По строю речи, даже не вникая в ее смысл, мы отличаем своего от чужого. Произносящий «поло́жить» и «углу́бить» летать не может... Чудовищная непроваренность фарисейского звукоряда, которым нас потчевали столько лет подряд,— от того, что Слово им живым не дается.

Но чиновник трудится не покладая пера и языка, чтобы живое слово умертвить, чтобы оно перестало значить то, что оно значит. Оруэлл блистательно изобличил политическое лицо этого процесса. Да, действительно, в выступлениях с высоких эстрад «свобода» означала «рабство», «демократия»—«диктатуру»...

Воровская привычка скрывать и прятаться забила все поры национальной жизни. Когда я учился в университете и на занятиях по военной подготовке заносил данные по устройству американской дивизии в тетрадь, которую сдавал потом в секретную часть, я наивно поинтересовался у нашего подполковника, зачем это нужно. И получил и мудрый и достойный ответ: «Главное не секрет, а соблюдение системы секретности».

Рис. Алексея Меринова.

«Браво!» — думаю я спустя многие годы. Ибо только в условиях тотальной секретности можно скрывать смысл слов. Шило скрывалось до тех пор, пока оно не распороло весь мешок. Однако страсть запутать, переименовать до сих пор жива в нас, ибо все мы находились на службе у государства слишком долго. Все мы вышли из советского строя, и в каждом из нас сидит чиновник. И вот вместо похоронной конторы мы имеем «комбинат ритуальных услуг», а проверенные веками пути целения превращаются в «нетрадиционные способы лечения». Словом, глухота—поразительная. Ну скажите мне на милость, что такое «коммерческий магазин»? Кто-нибудь видел магазин, назначением которого является не торговля? Тем не менее все мы так говорим, подразумевая, что там — дорого.

Но все-таки «промеж себя» мы обычно говорим по-человечески. И в этом языке редко выживают монстры. В нем нет «лиц еврейской национальности», а есть евреи. Нет «выполнения интернационального долга», зато есть афганская агрессия. Помните бородатый анекдот? Двое голодных делят кусок хлеба. «Давай по-братски»,— говорит один. «Нет уж, давай лучше поровну»,— отвечает другой.

Бумага все стерпит, а язык — все-таки — нет. И лучше писать по-сказанному, чем говорить как по писаному.

Так что давайте лучше не заблуждаться и не вводить в заблуждение относительно наших истинных намерений. И тогда у нас не будет «спецсредства «Черемуха», а будет слезоточивый газ. Не будет «борьбы за выполнение плана», а будет работа. Хорошая или плохая. Ей-богу, так будет проще. И честнее. Давайте пожалеем заграничных русистов. Откуда им, бедолагам, знать, что под интригующим «крупный рогатый скот» скрывается обычная корова?

Надежда умирает последней. И только вместе с любовью. К слову, которое нас почему-то не покинуло. Значит, верит в нас?

Я НЕ ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ВРАГОМ...

Вильнюсские впечатления москвича

Владимир Вишневский

Литва

К КАССАМ Белорусского вокзала я подходил с некоторой внутренней дрожью: нельзя, мол, граница, другое государство и т. д. Однако билет я получил свободно, а кассир в ответ на высказанные опасения пожала плечами: «Как ездили, так и ездят...»

Поезд, старая добрая «Литува», № 5, отходил в то же время, что и десять лет назад, в семь часов вечера, в вагоне разливали традиционный вечерний чай.

В Вильнюсе на фронтоне здания вокзала увидел я знакомую табличку: «В. И. Ленин в 1887 г. приезжал сюда для установления связей с местными марксистами». На душе потеплело: уж если эту табличку до сих пор не сняли, то можно чувствовать себя спокойно: в Литве не съедят.

К вокзалу подкатывали все те же легкие, светлые, какие-то ручные вильнюсские троллейбусы. Мы со встретившей меня знакомой литовкой побрели пешком куда-то вниз и влево от вокзала. Наговорившись, решили позавтракать.

Столики в кафе стояли вокруг овального бара, две высокие деловитые девушки-литовки ставят выбранные вами блюда прямо на стойку, достаточно протянуть руку — и поднос на вашем столе. И прежде я восхищался этой удобнейшей схемой обслуживания, а теперь с холода и голодный я был искренне благодарен виленчанам за то, что здесь у них ничего не изменилось.

Кассирша-литовка, когда я выпалил свой запас литовских слов и запнулся, свободно и естественно перешла на русский, не выказав ни тени раздражения или неприязни. Кстати, и в дальнейшем — может быть, мне везло! — ни от кого из местных жителей в ответ на мои русские вопросы и разглагольствования я не слышал неприязни или враждебности.

На площади у консерватории — привычный гранитный Ленин; поднятая им когда-то рука так и простирается до сих пор, указывая, по-моему, на здание КГБ. Еще 200 метров по проспекту, и вот уже видишь первые следы того самого... Во-первых, между угловым хозмагом и сбербанком слева — завал: нагромождение серых бетонных колонн, железных сеток и прутьев стальной арматуры. Это не ежи, не противотанковые препятствия, построенные по военному образцу. Нет в них ни суровости, ни грозности военной, видно, что люди тащили сюда и привозили все враз, сами, кто что мог, и набрасывали все это второпях, в лихорадке, без плана и инструкций — лишь бы закрыть, лишь бы спасти. Но тем ценнее это народное творчество, ибо это сооружалось спонтанно, самодеятельно, само собой, как Бог на душу положит. На холсте Делакруа баррикада выглядит романтичнее. Но на меня, нормального советского человека, читавшего о баррикадах только в учебниках по истории, баррикады Вильнюса произвели сильное впечатление.

Миниатюрная часовенка-крестик стоит как память погибшим, под ней горящие свечи и цветы.

На временных фанерных стенах и щитах надписи, черным и красным, клочки бумаги с призывами, клятвами, проклятиями.

Среди воззваний есть такие: «Мы, украинцы, с вами в вашей борьбе за свободную демократическую Литву!» Есть аналогичный плакат и со стороны белорусов. По-русски написано: «Через свободу Литвы к свободе России».

Много места уделено и Президенту СССР. Портрет Михаила Горбачева — из песни слова не выкинешь! — соседствует здесь с Гитлером и Саддамом Хусейном.

Мальчишки продают независимые газеты. Я захотел купить одну, но у меня не оказалось мелочи. Мальчонка в сереньком пальтишке, заметив, что я в нерешительности топчусь на месте, обратился ко мне: «Дядя, вам разменять?» Он повернулся к своему сверстнику, сказал ему что-то по-литовски: вмиг появился узенький целлофановый мешочек с монетами и рублями, и ребята, отмерив мне сдачу, вручили газету. Нельзя не улыбнуться, глядя на этих маленьких работяг. Это настоящие юные республиканцы. Пока есть такие дети, будущее Литвы обеспечено.

Телебашня расположена в самом живописном районе — Лаздинай. Трудно себе представить более мирный, уютный жилой массив. Но именно здесь, у телебашни, произошла вильнюсская трагедия.

Теперь у башни тихо. Ветер колышет застрявшие в сетке тюльпаны — символ скорби, памяти о тех, кто не вернулся.

Сейчас к башне паломничество. Сюда приходят литовцы, русские, украинцы...

Телебашня стоит на круглой, как торт, насыпи; люди, карабкаясь наверх, проделали в ней скользкие ступеньки. По этим ступенькам поднялся к ограде и я. Нижние окна башни заделаны фанерой, что-то повыбито и выше. Башней владеют «наши». У подножия стоят два БТРа, грузовик. Высокий омоновец (или солдат, кто знает?) в пятнистом костюме с автоматом на перевязи стоит у дверей, другой прохаживается у транспортеров.

Папа-литовец помогает девочке в розовой мохнатой шубке подняться к сетке. Люди стоят, смотрят и молчат. Ни угроз, ни ругательств, ни плевков. Может, это было раньше. Я — не видел.

Юзом съезжаю с откоса. Бросаю прощальный взгляд на свечи. Свечи на снегу — тяжелое зрелище.

В СОЧИ ВСТРЕТЯТСЯ КОСМОНАВТЫ И ШАМАНЫ

Международный сбор единомышленников Елены Блаватской

Юрий Мешков

В УЧЕНОМ МИРЕ до наших дней не было согласия: кто же такая Елена Блаватская — великая ученая или великая авантюристка? Многочисленные поклонники теософического таланта Блаватской решительно настаивают на первом варианте.

Как бы там ни было, но международный форум «За духовное единение человечества» приурочен к 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Е. Блаватской. Пройдет он в Сочи по инициативе АН СССР, Философского общества, международного центра нетрадиционной и народной медицины «Кавказ» и международного агентства «Экобион» в месяц «белого лотоса» — 15—30 апреля.

...В раннем детстве у Елены проявились способности ясновидца. Утверждают, что к ней — ребенку — за помощью в раскрытии запутанных преступлений обращалась даже полиция. Не лишена была Елена Блаватская (в девичестве Ганн) и музыкальных задатков. Будучи подростком, она выступала как пианистка с концертами в Лондоне. Позже — изучение магии в Египте; участие в битве за Ментану вместе с войсками Гарибальди; проникновение в Тибет, где Блаватская училась управлять оккультными силами... Приключений и неожиданных поворотов в судьбе этой женщины было предостаточно.

Перу Блаватской принадлежат несколько основополагающих трудов в области теософии. Сегодня отделения основанного Блаватской в Индии теософского общества существуют практически во всех странах мира. В январе с. г. в Москве состоялся учредительный съезд Российского теософического общества (упраздненного в 1918 году).

Итак, теософия возвращается?

— Цель форума,— сказал генеральный директор оргкомитета, заведующий лабораторией Сочинского научно-исследовательского центра АН СССР Александр Трунев,— содействовать духовной общности, взаимопониманию людей, уменьшению конфронтации в современном мире, гуманизации общественных отношений.

В месяц «белого лотоса» в Сочи соберутся философы, экологи, космонавты, парапсихологи, деятели искусства. Ожидаются даже шаманы из Якутии и с Камчатки. (Их пригласила участвовать в форуме народный депутат СССР Евдокия Гаер.)

В рамках форума 26 апреля пройдет сбор средств в фонд строительства в Сочи центра реабилитации детей-инвалидов, пострадавших от войн, катастроф, стихийных бедствий. В этот же день будет заложен первый камень нового медицинского центра.

ИСКУССТВО

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Публикуемые рассказы из сборника А. Аверченко «Нечистая сила» [Севастополь, «Новый Сатирикон», 1920 год] в СССР не печатались.

АРКАДИЙ Тимофеевич Аверченко (1881—1925), которому в эти дни исполнилось бы 110 лет, был из редких русских писателей, веривших, что мир можно вылечить с помощью «краснощекого» юмора. Однако после Октября жизнерадостный смех почти исчез со страниц произведений писателя.

Революция в изображении Аверченко — чертово колесо, которое расшвыривает всех, кто взберется на его полированную поверхность. Ему хочется повернуть историю вспять, прокрутить ее, как киноленту, в обратную сторону, чтобы снова замелькали перед глазами кадры сытой, благополучной, нормальной жизни.

В 1918 году писатель уехал на занятый белыми юг после того, как советская власть закрыла издававшиеся им журналы «Новый Сатирикон» и « Барабан». В 1920 году он эмигрировал в Константинополь, а с 1922 года поселился в Праге. Творчество этого периода известно советским читателям очень мало. Он пишет памфлеты на знаменитых деятелей революции, подбирает «осколки разбитого вдребезги» старого быта, пытается отдохнуть в чистом юморе или рассказах о детях, но «отдых на крапиве» не получается.

Чем больше каменеет лицо писателя от жестоких ударов эмигрантской жизни, тем яростнее высмеивает он большевистскую «Совдепию». Черный юмор, доведенная до абсурда фантастика служат средством разоблачения «перегибов» эпохи военного коммунизма. Но и в этих рассказах нет-нет да мелькнет прежняя лукавая улыбка.

Умирая, Аверченко завещал похоронить его так, чтобы гроб можно было перевезти в Россию...

Лидия СПИРИДОНОВА, доктор филологических наук

Отрывок будущего романа

(Написано по рецепту «Алой Чумы»)

ВТЫСЯЧА девятьсот такомто году большевики, наконец, завоевали всю Россию. Вне их власти остался только Крым, который и висел небольшим привеском на неизмеримом пространстве холодной и голодной Совдепии, как болтается несъедобный золотой брелок на огромном брюхе голодного отощавшего людоеда.

Что касается окружающих государств, то они выстроили по всей границе высокую крепкую стену, напутали на гребне ее колючей проволоки и вывесили огромные плакаты через каждые пятьсот шагов: «Вход посторонним строго воспрещается».

Совдепия была предоставлена самой себе.

Ни ввоза, ни вывоза; ни торговли, ни промышленности; ни законов Божеских, ни законов человеческих; ни науки, ни искусств...

Как человеческая голова, которую заботливая рука не стрижет, не бреет и не моет — постепенно зарастает дремучим секомых,— так и бывшая Россия как-то заросла [illegible] лесами, высокой травой, и в лесах и в траве развелось неисчислимое количество волков и медведей, лосей, зубров, лисиц и оленей...

Иногда стадо диких свиней смело перебегало заброшенный, запорошенный многолетней пылью, заросший маками и кашкой ржавый рельсовый путь, иногда зоркая рысь, притаившись в мрачной развалине фасада ситценабивной или бумагопрядильной фабрики, часами подстерегала серого зайчишку; орлы вили гнездо в поломанных, лишенных стекол трубах разрушенных обсерваторий... в стенах бывшего Московского университета свила гнездо страшная шайка разбойников-китайцев, от которых трепетала вся округа.

Население разделялось на три резко обособленных касты или племени: племя совнаркомов, племя исполкомов и племя трудообязанных...

Племя совнаркомов состояло из одного человека: неограниченного правителя Совдепии Миши I, сына покойного неограниченного правителя Льва I из рода Троцких. Монархический принцип вводился постепенно и так незаметно, что никто даже не почухался, когда Льва I похоронили в усыпальнице московских государей.

Племя трудолюбивых работало, сеяло хлеб, охотилось на зубров, шило одежды из звериных шкур и курило вино, за что получало от исполкомов право на жизнь и одну треть сработанного в свою пользу. Другая треть шла исполкому, третья — совнаркому Мише.

Население городов жило в землянках или юртах из оленьих шкур, остальные спали в дуплах вековых деревьев, в пещерах или просто шатались по степи, подстерегая диких кабанов и медведей.

* * *

Стоял тихий погожий вечер лета 1950 года... На опушке огромного леса у развилины корня высокой корявой сосны весело пылал костер, вокруг которого расположились трое: сухая коричневая сморщенная старуха, завернутая в лохмотья засаленной плюшевой портьеры, и двое мальчишек, задрапированных волчьими шкурами. Каждый из них был вооружен топориком из остро отточенного кремня, насаженного на дубовую палку.

— А где старший брат? — спросила старуха, обгрызая желтыми зубами волчью кость.

— Мы его делегировали на пленарное заседание совнархоза. Люди нашего племени поймали нескольких эсеров - интернационалистов. Теперь идут дебаты о том, съесть ли их или выменять на некоторых из нашей коммунистической ячейки, попавших в плен к интернационалистам.

— О, наказание! — воскликнула старуха.— И когда эта проклятая война кончится? Эх, если бы он хоть кусочек этого интернационалиста домой принес.

— Да, дожидайся,— проворчал внук.— Помнишь того англичанина, который семь лун тому назад перелетел к нам через стену на какой-то странной штуке... Поймали его наши и тут же слопали — даже полпальца не принесли... А когда отец с охоты вернется?

— Солнце шести раз не покажется на востоке, как он будет здесь. Исполком дал ему определенный мандат. Что это у тебя в руках?

— А я, когда на куропаток силки ставил, нашел в лесу... Что-то вроде ореха, да я никак не мог разгрызть...

— Покажи-ка,— с любопытством попросила старуха.— Да это гайка!

— Что это значит — «гайка»?

— Этими штуками когда-то рельсы скреплялись.

— Какие рельсы?

— Железная дорога. Из железа.

— Какое странное слово — железо.

— Да ты же видел у меня среди фамильных драгоценностей гвоздь? Знаешь, такой стержень со шляпкой. Это и есть железо.

— Да как же из этого можно целую дорогу сделать? В землю эти гвозди один около другого вколачивали, что ли?

Старуха заметила, что внук слишком далеко хватил, и усмехнулась.

— Ну, брат, это ты, действительно, ахнул. Из железа [illegible] рельсы... Такие длинные, предлинные палки... И по ним бегали железные дома, в десять раз больше нашего.

— Сколько же лошадей нужно было для этого?

— Зачем лошади? Воды в котел нальют, дровец подбросят, оно и летит — никакой лошади не догнать.

— Кто ж это делал?

— Инженеры.

— Они вкусные?

— Не знаю, не пробовала. Когда я была молодая — за меня один инженер сватался.

— Чего-о?

— Ты этого слова не поймешь. Жениться хотел. Руку мне свою предлагал. Я отказалась.

— Вот дура-то старая. От руки отказалась! Взяла бы и съела. Она нежная.

— Ох, как с вами трудно разговаривать!

И потом мечтательно улыбнулась:

— Он мне записки писал...

—Что значит «писал»?

— Брали такую палочку с железной штучкой на конце, обмакивали в черную краску и делали на бумаге знаки.

— Какое смешное слово: бумага.

— Да ты разве не видел? У меня в числе фамильных драгоценностей один трамвайный билет есть. Если поймаешь зайца — покажу.

Наступило молчание. Костер тихо потрескивал, догорая.

Один из внуков потянулся, засмеялся и сказал:

— Вчера новый приезжий, кооптированный от пролеткульта, чуть не женился на нашей соседке: схватил за волосы и потащил в лес.

— Что же ее прежний жених?

— Он вынес резолюцию протеста, осуждающую это самочинное выступление без мандата от исполкома.

— А формула перехода к очередным делам?

— Обыкновенная: зарезал приезжего топориком, а невесту привязал к дереву и содрал скальп.

— Какая прелесть! Совсем роман!

— Чего-о-о-о?

Но старуха молчала, задумавшись о прошлом...

Все было безмолвно, только слышался далекий олений рев в чаще да порсканье охотившейся за совой рыси на опушке.

Перед лицом смерти

(Кусочек материала к истории русской революции)

СКОЛЬ РАЗЛИЧНА психология и быт русского и французского человека.

Французская революция оставила нам такой примечательный факт:

Добрые революционно настроенные парижане поймали как-то на улице аббата Мори. Понятно, сейчас же сделали из веревки петлю и потащили аббата к фонарю.

— Что это вы хотите делать, добрые граждане? — с весьма понятным любопытством осведомился Мори.

— Вздернем тебя вместо фонаря на фонарный столб.

— Что ж вы думаете — вам от этого светлее станет? — саркастически спросил остроумный аббат.

Толпа, окружавшая аббата, состояла из чистокровных французов, да еще парижан к тому же.

Ответ аббата привел всех в такой буйный восторг, что тут же единогласно ему было вотировано сохранение жизни.

Это французское.

А вот русское *.

В харьковской чрезвычайке, где неистовствовал «товарищ» Саенко,— расстрелы производились каждый день.

Делом этим большей частью занимался сам Саенко...

Накокаинившись и пропьянствовав целый день, он к вечеру являлся в помещение, где содержались арестованные, со списком в руках и, став посредине, вызывал назначенных на сегодня к расстрелу.

И все, чьи фамилии он называл, покорно вздыхая, вставали с ящиков, служивших им нарами, и отходили в сторону.

Понятно, что никто не молил, не просил, — все прекрасно знали, что легче тронуть заштукатуренный камень капитальной стены, чем сердце Саенки.

Вот однажды, за два дня до прихода в Харьков добровольцев, явился по обыкновению Саенко со своим списком за очередными жертвами.

— Акименко!

— Здесь.

— Отходи в сторону.

— Васюков!

— Тут.

— Отходи.

— Позвольте мне сказать....

— Ну, вот еще чудак... Разговаривает. Что за народ, ей-Богу. Возиться мне с тобой еще. Сказано, отходи — и отходи. Стань в сторонку. Кормовой...

— Здесь.

— Отходи. Молчанов!

— Да здесь я.

— Вижу я. Отойди. Никольский!

Молчание.

— Никольский!!

Молчание. Помолчали все: и ставшие к стенке, и сидящие на нарах, и сам Саенко.

А Никольский в это время, сидя как раз напротив Саенко, закимался тем, что, положив одну разутую ногу на другую в опорке, тщательно вертел в пальцах папиросу-самокрутку.

— Никольский!!!

И как раз в этот момент налитые кровью глаза Саенки уставились в упор на Никольского.

Никольский не спеша провел влажным языком по краю папиросной бумажки, оторвал узкую ленточку излишка, сплюнул так, что крошка табаку попала ему на язык, и только тогда отвечал вяло, с ленцой, с развальцем:

— Что ж это вы, товарищ Саенко, по два раза людей хотите расстреливать? Неудобно, знаете.

— А что?

— Да ведь Никольского вчера расстреляли!

— Разве?!

И опять все помолчали: и отведенные в сторону, и сидящие на нарах.

— А ну вас тут, — досадливо проворчал Саенко, вычеркивая из списка фамилию.— Запутаешься с вами.

— То-то и оно, — с легкой насмешкой сказал Никольский, подмигивая товарищам, — внимательней надо быть.

— Вот поговори еще у меня. Пастухов!

— Иду!

* * *

А через два дня пришли добровольцы и выпустили Никольского.

* * *

— Не знаю, как на чей вкус... Может быть, некоторым понравился аббат Мори, а мне больше нравится наш русский Никольский.

У аббата-то, может быть, когда он говорил свою остроумную фразу, нижняя челюсть на секунду дрогнула и отвисла, а дрогни челюсть у Никольского, когда он, глядя Саенке в глаза, дал свою ленивую реплику — где бы он сейчас был?

* Факт этот рассказан автору одним вполне заслуживающим доверия харьковчанином.

Удачи

Маргарита Хемлин

ПОСЛЕДНЕГО возраста у человека не бывает. Последний возраст — это смерть.
Герой маленькой повести Александра Васинского «Предпоследний возраст» («Аврора», № 1, 1991) не хочет простоты.
Когда хотят простоты — вспоминают светлое.
Константин Сергеевич ничего светлого не вспоминает. Не из каприза. Ничего светлого — не было.
Первая женщина отдалась ему на лестнице, рядом с помойным ведром, и он, понимавший в тот момент, что действительно счастлив, видел не ее лицо, а — крысу, шарахнувшуюся из темного угла.
Не светло прошла жизнь. «Вселенная не перестанет быть ПРОРВОЙ»,— думает Константин Сергеевич, находясь в больнице в ожидании операции, исход которой почти предрешен.
Из грязной курилки, из затоптанной банановой кожуры, из заплеванного кафеля образуется ПРОРВА. Прорва Вселенной.
И герой вступает в нее, как мог бы вступить в нечистоту на темной лестнице,— смерть не пугает его именно тем, что з н а к о м а.
Прорва нечиста. Бездна — чиста. Бездна бывает и «над». Прорва — только «под».
В молодости Константин Сергеевич писал трактат о смерти, какие в молодости обычно и пишут. И всю дальнейшую жизнь читают: те, кто смерти не боится,— в одиночестве, те, кто боится,— на публике.
Константин Сергеевич читал девушкам. Им нравилось.
Константин Сергеевич (оправдывая свое «театральное» имя) любил игру. Как процесс притворного испуга. Вернее, испуга всамделишнего, но потом оказывающегося напрасным. В его жизни было много ситуаций, когда «театральный» испуг имел все возможности перерасти в реальный, но—Бог миловал. Теперь же нет. Игры в испуг формировали [illegible] которое [illegible] ся прорвой,— игр не бывает. Им тем нечем удерживаться. Этого Константин Сергеевич не учел.
На что он мог рассчитывать? На то, что успеет зацепиться за края? Перед утренней операцией он думает о вечности. Пока мысли находятся в порядке, Константин Сергеевич рассуждает о жизни и смерти, о Вселенной... Но когда он перестает контролировать себя под действием лекарства, вырываются наружу — то крыса, то затоптанный окурок, то собственное отражение: он — на кушетке, застланной клеенкой, и над ним — немилосердная сестра с кружкой Эсмарха. Значит, то, что вырывается из сознания, когда оно раскрепощено таблеткой,— и есть настоящая жизнь?
А рассуждения о звездах, вечности и прочем — что тогда это? Все в прорву. А хочется — в бездну. Хочется — вверх, а получается — вниз.
Свободы выбора «верха» и «низа» Константин Сергеевич лишен.
И все же думает о ней.
Она для него и есть прорва, которая притягивает тем, что не заставляет выбирать — цепляться за края или не цепляться. Краев нет.
В сущности, жизнь, которую прожил Константин Сергеевич, игра, в которую он играл своею жизнью, не так уж плоха.
Но мысли — не о том.
Он думает о непоправимости смерти, а выходит — что о непоправимости жизни.
То, что было душой Константина Сергеевича, успело слетать и попрощаться с женой Светланой. Она что-то помешивала в кастрюле, не отрываясь в то же время от книги. Светлана, кажется, чувствовала, к т о прилетал.
Не отреагировала.
Готовила бульон, чтобы отнести его утром мужу.
Пища — важнее духа.
Мысль, сто раз писанная рукой русской литературы: «Разве т а к умирают?»
А как — умирают?
Человек боится умирать, боится прорвы.
А что оставляет?
Васинский не побоялся сказать: не важно, ч т о оставляешь, важно, что ничего другого — не можешь оставить. Что именно это, оставленное,— и было твоей жизнью.

Удачи

ГАЛОПОМ ПО ПРОРОКАМ

Бог, которого это искусство «создает», под стать нам сегодняшним: суетливым и крикливым, ущербным и ищущим кумира

Алексей Москвичев

Театр

В МОСКВЕ довольно много спектаклей, посвященных Ветхому и Новому Заветам. Почти столько же, сколько эротических представлений (билеты театра-студии «Протестант» и эротического театра имени А. Демидова продаются в одних и тех же заплеванных и сырых подземных переходах). По-моему, есть нечто общее между студиями, служащими Венере и Иегове. На спектаклях, создатели которых говорят о Боге, лежит отпечаток той же невнятицы и спешки, что доминирует на всем формирующемся ныне культурном рынке. Кооперативная Цветаева с перепутанными страницами, сонники, детективы, хиромантия, секс... И Бог, которого мы понимаем так, как можем.

Кто только не ставит сейчас про божественное! По большей части те, кого лет 5—7 тому назад кормильцы из Управления культуры или ЦК ВЛКСМ и не заподозрили бы даже в подобном святотатстве. Интеллигентнейший П. Хомский, с легкой руки которого Иисус шагнул на академическую сцену Театра им. Моссовета, никогда не был особенно надежен. Но революционный жизнелюб В. Спесивцев!.. Впрочем, времена действительно изменились — не исключено, что, узрев свет, уверовали и опекавшие «друга детей» комсомольские боссы.

Религиозная тематика прочно вошла в арсенал массового искусства. Само по себе это не так уж плохо: в отечественных условиях оно играет роль воскресной школы. По американским религиозным супербоевикам, кооперативным брошюрам, рождественским и пасхальным театральным утренникам советский обыватель постигает азы религиозной грамоты. Иисус возвращается в Россию в облике суперзвезды отечественной эстрады и печки. О нем ставят спектакли режиссеры, усердно разрабатывавшие героико-патриотическую тему, и у Христа появляются до боли знакомые черты среднеарифметического героя-комсомольца, Павки Корчагина бесчисленных поэтических представлений и литмонтажей. В свое время мы превратили в святых героев коммунистической мифологии — тот же Корчагин в кино и на театре выступал в обличье мученика-страстотерпца (что говорить о культе Главных Мощей Страны, к которым до недавних пор выстраивалась километровая очередь). История совершает поворот, православие возрождается, но утверждается оно на обломках коммунистической веры. Многие из новообращенных прихожан московских храмов наверняка представляют Иегову с лицом и бородой Маркса, а Троицу — в виде строго уставившихся с плаката основоположников.

Спектакли сегодняшнего «религиозного» театра отвечают направлению времени и уровню духовности общества. Постановщики, как правило, плохо представляют себе, что им делать с населяющими их создания библейскими и евангельскими персонажами. П. Хомский, поставивший в Театре им. Моссовета «Иисуса Христа — суперзвезду», нашел из этой ситуации самый естественный для советской сцены выход.

Его Евангелие — проекция политических баталий XX века, аллегория, позволяющая растолковать кто есть кто в политическом преферансе. Каиафа с присными оборачиваются одетыми в щегольские тройки политиками, римская стража — «упакованной» в черную кожу моторизованной полиции. Иерусалимская толпа и пророки — молодежной тусовкой, танцующей из дискотеке, пожирающей самое себя в жестокой драке, порождающей и уничтожающей вождя — Христа.

При чем тут мы с вами, впрочем, не ясно: судя по одежкам персонажей, речь идет о Западе — Западе вообще, Западе из фильмов Рижской киностудии и «Агента 00» Генриха Боровика, бутафорском крае молочных рек, кисельных берегов и вопиющих социальных контрастов, созданном воображением деятелей советского искусства.

П. Хомский умело оперирует штампами из «их жизни». Агрессивный рокер, длинноволосый молодой бунтарь, толстомордый полицейский, циничный политик... Штампы срабатывают безотказно, как цветные стеклышки в калейдоскопе — встряхни их пару раз, и они сами улягутся в нужном сочетании. Легкое движение — и типажи отечественного мифа о злых буржуинах становятся героями Евангелия...

Что ж, Бога каждый создает по своему душевному разумению.

В минувшие рождественские праздники шел «Иисус...», привезенный в Москву Ленинградским театром рок-оперы. Он не пытался — я цитирую моссоветовскую программку — «сочетать жанр рок-оперы, православного прочтения Евангелия и традиций русской театральной школы». Ленинградцы не ставили себе экуменических задач — пели, развлекая собравшихся в зале для фехтования стадиона имени Ленина. А что Христос в ленинградском спектакле (во всяком случае том, что видел я) так и не воскрес... Что ж тут поделаешь, артисты, игравшие два представления в день, видимо, устали (а может быть, им пора было на самолет). Зрители же все равно ничего не заметили. Вот если бы спектакль из жизни того, чьим именем назван стадион, закончился бы изображением счастливой старости окруженного детьми и внуками героя... А тут... Христа распяли, Вознесения и Воскресения не состоялось (соответственно и искупления наших грехов, очевидно, не произошло). Мы вяло поаплодировали и побрели на метро...

В. Спесивцев — одаренный человек. Его способность возникать как Феникс из пепла, вновь и вновь создавая на пустом месте театры, вызывает восхищение. Хочется верить, что и новая его студия («Экспериментальный театр под руководством Вячеслава Спесивцева») будет заметна в Москве. Священная История, однако, в его руках производит странное впечатление. Вроде бы автор спектакля «Библия» ее же (Библию) и читает, а получается нечто такое, к чему довольно обременительно подобрать название.

Даешь Ветхий и Новый Заветы за два часа пятнадцать минут! Действие раскручивается, как кинокадры при ускоренной перемотке, цепляется за случайно выхваченный из Библии эпизод, и вновь мчится вперед, глотая века и народы. Иаков, Рахиль, Лия и их потомство, выстроившиеся в шеренгу по одному, образуют на сцене нечто вроде небольшого вокально-инструментального ансамбля. Из-за кулис появляется новое, только что испеченное, но уже вполне великовозрастное чадо, звучит библейский текст, все напевают и отплясывают подобие фрейлехса. Роды Иаковых жен затягиваются минут на десять, и вновь — вперед, по головам не попавших в спектакль пророков, ибо, начав «от Адама», надо еще успеть и на Голгофу! Хотя для того, чтобы заняться любовью, можно и притормозить. Разнообразный и подробно показанный секс занимает в спектакле достойное место. Это, разумеется, следует списывать на разнузданные вкусы перволюдей. Христос, под торжественную музыку дефилирующий через сцену (Адам и Ева, между тем, еще не испытали потребности в одежде). Поэтические, приподнятые над реальностью картины мучений (жертвы моавитян приплясывают, а затем падают в конвульсиях, в то время как железный голос зачитывает из Библии, кому и что сейчас вырезали)...

А блистательная финальная сцена! Христа распяли, и апостолы, усевшись рядком перед залом, обращаются к нему со словами Евангелия. Обращаются не как персонажи спектакля, а как люди нашего времени, сограждане зрителей. И слова евангельских заповедей стучат в каждую душу — слышишь ли ты?.. А ты... А ты... (Так и слышишь: а ты записался добровольцем? А ты отработал за того парня?) Искусство подобного рода обладает вывернутым наизнанку даром царя Мидаса — все, к чему оно прикасается, превращается в труп.

Бог, которого это искусство создает, под стать нам, сегодняшним — суетливым и крикливым, ущербным и ищущим кумира. В сущности, это новый языческий фетиш, слепленный по образу и подобию героев коммунистической мифологии. Как бы ни хотелось открститься от спесивцевской «Библии», но это — наше и [illegible] та мера, которой нам, сегодняшним, воздается...

ПЛОХАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬЗУЕТСЯ ПОДДЕРЖКОЙ ГОСУДАРСТВА

Президент общества Достоевского писатель Игорь Волгин отвечает журналисту Ирине Пантелей

Мнение

— НЫНЕШНИЕ «коробейники» на одном прилавке продают и Библию, и пособия типа «Десять заповедей проститутки». Рынок уравнял всё и всех. Это нормально? Так и должно быть при рынке?

— Я считаю, что то и другое «имеет право» свободно продаваться. Но соединение таких книг в одном интеллектуальном ряду — это знак духовной бульдозеризации всей страны. Все, что было в культуре низкого, маргинального, что существовало в речевой практике улицы, в виде полупристойного анекдота, хлынуло в книжную культуру. Подобная свобода — свидетельство глубочайшей внутренней несвободы. Ибо свободный человек — это прежде всего человек, естественно укорененный в культурном контексте. В России всегда было уважительное отношение к публично произносимому слову. Сейчас стало модным высокомерно посмеиваться над «повышенной» идеологичностью русской словесности. Однако если вдуматься, это ведь не только чисто русская, это мировая — библейская традиция, ибо «вначале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, I 1).

Но любопытна и позиция государства. Вернее — отсутствие позиции. Если раньше государство бесцеремонно вторгалось во все мелочи нашего идейного существования, то сейчас оно как бы самоустранилось. И хотя вышел грозный указ президента, достаточно прогуляться по улицам Москвы, чтобы убедиться, что все осталось, как было. В Париже человек, пытающийся продать «порнуху» на Елисейских полях, не простоял бы и минуты. Он заплатил бы огромный штраф или угодил бы в тюрьму. Да, там можно торговать чем угодно, но это «что угодно» продается в специально отведенных местах (детей туда, заметьте, не пускают). У нас же, на Кузнецком мосту, происходит то, что у Достоевского названо «заголимся и обнажимся». Мы ужасно опасаемся выглядеть непрогрессивно как в глазах иностранцев, так и в наших собственных — либерально округленных — глазах. Но недаром кто-то заметил, что прежде всего мы подключились к системе канализации. «Глоток свободы» оказался отравлен. Впрочем, возможно, такова цена свободы.

Есть такое понятие — народное целомудрие. Это вовсе не высокопарная отвлеченность. Это связано с национальной культурной традицией. С ней нельзя не считаться. Отвратительно, когда ревностно оберегали наше идейное целомудрие от всего, что не вписывалось в рамки официальной модели. Это, пожалуй, самая ужасная разновидность ханжества. В области духа человек имеет право знать все. Но охранять целомудрие ребенка, женщины, просто нормального человека, наконец,— тоже духовная обязанность, причем обязанность государственная. Человек имеет полное право удовлетворять свои низменные вкусы и даже потребности (если они у него имеются), но никто не должен ему эти вещи навязывать в каждом киоске.

Вот, слава Богу, убрали цензуру. Но мы тут же (по «закону маятника») впали в другую крайность — «все позволено». Сдерживающий механизм саморегуляции в нашем обществе не выработан. Я полагаю, государство не должно спокойно взирать на оскорбление общей и личной нравственности. (Об этом, кстати, говорил еще Пушкин.) Ибо свобода безнравственности и есть посягновение на нашу индивидуальную свободу.

Мат для некоторых пишущих стал чем-то вроде эстетического допинга. Автор как бы ощущает нехватку художественных средств (между тем русский литературный язык, мне кажется, достаточно богат, чтобы выразить все), и тогда включается «мигалка» — как на машинах «скорой помощи» или пожарной. Чтобы все издали видели, слышали и почтительно расступались. «Мигалка» в литературном тексте — это почти всегда внехудожественный прием.

Раньше письменная культура была самодостаточна, она абсолютно жестко отгораживалась от нецензурщины и похабщины: последние «официально» существовали на культурной периферии. Мат, кстати, тоже явление культуры (и при этом — весьма значительное), но культуры принципиально некнижной. Сейчас же эта перегородка рухнула. Но письменная словесность потому только и существует, что следует «законам игры», ряду ритуальных правил и культурных табу, и, когда они нарушаются, тогда «кончается искусство» (но при этом далеко не всегда «дышат почва и судьба!»). Стирается грань между письменностью и «всем остальным»: тут не вполне явны функции собственно литературы, зачем-то все же отделившейся от разговорного жанра. Мат — сугубая принадлежность бытового, иерархически более низкого сознания (это отнюдь не ценностная, а лишь эстетическая характеристика). Думаю даже, что функционально природа мата едва ли не полностью может быть выражена при помощи «обычных» литературных средств. Вообще система эвфемизмов в искусстве имеет чрезвычайный смысл. Их задача вовсе не в том, чтобы «затемнить» стыдливо подразумеваемую реальность, а, наоборот, чтобы обострить художественную ситуацию. Но подчеркиваю — именно художественную.

Что касается мата как такового, то он должен оставаться там, где возник и для чего «предназначен»: в стихии устной речи. В данном случае я выступаю в защиту этого «универсального» языка — в защиту от поглощения и растворения его литературой, за оставление его в той природной «среде обитания», в которой он только может существовать и осуществлять свою культурную функцию.

Существуют, разумеется, исключения. Мат может быть введен в текст, когда его присутствие диктуется абсолютной художественной необходимостью. Например, у В. Маяковского или Венедикта Ерофеева. (У последнего, кстати, встречаются пленительные ономастические эвфемизмы: вспомним чудесное «Даян Эбан?» из «Москва — Петушки».) Цель нецензурного выражения или слова — взорвать словесную структуру. Это очень деликатная, требующая большого вкуса операция. Претендуя же на то, чтобы сделаться литературной нормой, мат уничтожает самое себя — как особую специфическую функцию языка. Замечали ли вы, что, воспроизведенный типографским способом, он теряет свое собственное, если можно так выразиться, обаяние?

На моем семинаре в Литинституте случился недавно такой эпизод. Собрались мои студенты после каникул и стали читать по кругу свои стихи. Встал один очень интеллигентный и высокообразованный юноша и в изящных терцинах употребил нехорошее слово. Ну ладно... Следом за ним нежная поэтесса с ангелоподобным лицом, слегка затуманившись, это же самое слово мечтательно повторила. Третий студент — тоже решил не отставать... Я был в некотором замешательстве, но все сделали вид, что ничего особенного не происходит. Как бы даже и неприлично говорить, что это неприлично: ведь не на улице же мы, в самом деле, выражаемся, а в Литературном институте!

Итак, если в пушкинские времена символом принадлежности к культуре было употребление мифологических имен и названий, то у нас аналогичные (чуть было не сказал — антологичные!) функции берет на себя мат. Он становится не только коммуникативной системой, но и признаком хорошего тона. Наконец-то сбылась наша вековечная мечта: литература максимально приблизилась к жизни.

— Ни в коем случае! Не надо ничего решать за кого-то. Мало ли, что мне неинтересен, скажем, Анатолий Иванов. Но ведь есть читатели, которым он безумно интересен,— и пусть себе на здоровье читают. С дурным вкусом бессмысленно бороться административными мерами. Если каких-то писателей запрещать, руководствуясь эстетическими пристрастиями, мы прямо придем к эстетическому тоталитаризму. В конце концов на Западе тоже выходит масса неважных книг и — немалыми тиражами.

Единственное, что нужно: чтобы плохая литература не пользовалась поддержкой государства. Нельзя допускать идеологического патернализма в культуре. Это, впрочем, не значит, что государство не должно вмешиваться в литературный процесс. Но здесь у него только две строго ограниченные задачи. Первая — это поддерживать серьезные культурные начинания, которые в силу своей «нетоварности» не могут принести желаемый доход. И вторая — ограждать своих граждан от нравственных оскорблений. Это, пожалуй, все.

СТИЛЬ ЖИЗНИ

МЫ ВЫХОДИМ НА ПЛОЩАДЬ

Евгений Билькис

БЫЛ ТАКОЙ симпатичный каламбур-загадка: «Кролики идут, пыжики стоят?» — «Демокстрация». Да, мы играли в эти игры, было дело. Но без всякого энтузиазма, в отличие от предвоенных и послевоенных «кроликов», которые, воротясь с Красной площади в свои коммунальные конурки, спрашивали друг друга: «Сталин был?» Мы бы и опознать не смогли, даже если б захотели, кто есть кто из «пыжиков» и мерлушковых папах. Где-то на дальних подступах нам удавалось взбодрить себя при помощи национального напитка, и в ответ на сонные призывы районных вождей, обращенные к нам с промежуточных трибун, мы выдавали такое кошачье «уря-я», что животы болели от хохота.

Таковы были наши шествия. И не думали не гадали, что когда-нибудь доведется выйти на улицы не по разнарядке, а по велению... Трудно произносить вслух или мысленно слова, звучащие на наш слух выспренними, но, надо сказать, твердо: да, по велению гражданского долга. Хотя, если честно, одного лишь «надо» было бы недостаточно, чтобы отставить в сторону дела, детей, воскресные планы. И надо, и тянет.

Бог ты мой, это и странно, и трогательно, как поздняя любовь, поздняя общественная жизнь. В особенности, когда ранней не было. Принимали скопом в пионеры — что-то вроде конфирмации. И уже тогда на звеньевых косились, как на «шестерок», а председатель совета отряда считался законченным «пыжиком».

И вот мы вышли, вышли! Вышли из своих насиженных квартирок, как из темных подвалов, как лесные братья из землянок-нор, щурясь и вслушиваясь, удивляясь, что нас много, и черпая уверенность в этом открытии. Мы никогда не собирались вместе и поэтому гордимся и стесняемся чувства братства, которое и есть гражданское единение.

Мы не умеем общаться с незнакомыми людьми. Привычка говорить о серьезном, о настоящем лишь в узком кружке, в спевшейся компании, на кухнях, ставших нарицательными, запечатывает наши уста. Мы шагаем молча. Молчим, молчим, как проклятые. Молчание огромной шагающей толпы, настроенной к тому же довольно радостно,— нелепо. Но это так: ни музыки, ни реющих над головами чучел, ни ряженых. Мы — провинция мира, мы дичимся, как дети на первом балу. Спасают дело лозунги — новая разновидность городского фольклора. Не меньше половины из них в самой популярной нашей тональности юмора. Ерничанье — наша вторая натура. (Откуда бы взялись Галич, Высоцкий, Ким?) Неудивительно, что представившийся по ходу шествия внешний повод для шуток развязывает языки. Движение стопорится перед входом к горловину Воздвиженки, и мы затеваем односторонний диалог и с прилипшими к окнам обитателями некогда знаменитого роддома. «Не рожайте коммунистов!»—шутим мы. «На чью мельницу льете воды?»— изощряемся мы в остроумии. «Прекратить схватки!» — орем мы, развеселившись не на шутку. Но тут поток трогается с места, и мы получаем возможность «пошельмовать армию» в виду раскинувшейся широко, как море, белой громады военного ведомства.

Так выразительно это всегда умилявшее пропагандистов соседство старого и нового — лишенный архитектурных признаков и опознавательных знаков свежевоздвигнутый колосс и рядом с ним — полуэзадушенный, в трещинах и потоках полувековой грязи старомосковский ампир. Еще немного, и рассыплются сами по себе эти последние раритеты, если не разлетятся под чугунным шаром, буде понадобится прирастить пару гектаров к наиважнейшему министерству. Слабогрудые интеллигенты, конечно, попищат про варварство, про небрежение культурным наследием. Но наши доблестные свой бюджет защитят! И народ их поддержит, народ армию в обиду не даст...

Народ? А мы не народ? Не сила? (Пусть даже и «деструктивная».) Мы, заполняющие пространство широких проспектов? Мы, людское море на Манежной площади? Или для того чтобы считаться народом, нам нужно позаботиться о социальном представительстве? Подсобрать бабушек из очередей. Кликнуть студентов, пусть прервут поиск пива. Может, нужно, чтоб пролетарии в промасленных робах шагали в наших рядах, сжав в могучие кулаки натруженные руки? Но стоп, пролетарии как раз с нами. Горняки Кузбасса, в лице своего представителя, приветствуют нас с трибуны. «Трудящиеся Москвы!—говорят они нам.— Давайте решимся, и всей страной — баста!». Да, такое предложение не похоже на остап-бендеровские призывы к оружию. Это серьезно, это настолько серьезно, что гул площади резко стихает, будто уведенный режиссером на микшир. Тут уж не до ёриччанья, не до полуискренних сожалений о том, что нет у нас настоящих народных трибунов, мастеров «жанра» митинга. В напряженном внимании замершей толпы, когда стачкомовец объявляет: «Мы идем отсюда к Кремлю, мы будем стоять до конца», чудится признак нарождающегося нового.

Нет, мы не пойдем штурмовать бастилию. Ни сейчас, ни в будущем. Но что это тогда за новое чувство? Ведь что-то внезапно изменилось в настроении? Что? А то, что пропал элемент театра, светского события — «тусовки». Испарились вдруг в наэлектризовавшейся атмосфере площади остатки нашей инфантильности, нашего морального благополучия, кроличьего по своей сути. Мы ведь ничем не рискуем, ничего себя не лишаем. Спасибо, если (один на сто мимо идущих) купим за 80 коп. листок «Мемориала». Мы мужественные, ибо не верим, что в нас будут стрелять (не посмеют!). Мы независимые, потому что знаем: с работы нас не уволят, в КГБ не потащат. И вот мы слышим с трибуны наивное и взволнованное, никакое не митинговое, абсолютно практическое: «Давайте баста всей страной!» И в самом голосе, в интонации—отзвук беды и драмы и отчаянья людей, перешедших Рубикон: «Что-то будет, но не прежнее, иное. Мосты сожжены». И вот они обращаются к нам, к народу Москвы, они не сомневаются, что мы — народ Москвы, нас ведь целое море, мы скандируем: «Ель-цин! Ельцин!»

В этот раз мы не расходимся, не дождавшись конца, как на предыдущих митингах. Не жалея времени, не страшась быть раздавленными в давке, мы пробираемся к трибуне, чтобы пристроить свои денежные пожертвования. Уходя, мы оглядываемся и видим, как плывут над головами целлофановые мешки с разноцветными ассигнациями.

Вытекающий с площади, текущий вспять по Тверской поток также впечатляет и своей густотой, и своим молчанием. Людям в километровой очереди в «Макдоналдс» до нас никакого дела, как и подросткам, «балдеющим» в переходе на Пушкинской. И они — народ. Мы далеки, хотя, возможно, не «страшно далеки», от этого народа. Но куда большее расстояние отделяет и нас, и их от тех, для которых мы все, и что на Манеже, и что к «Макдональдсу», на одно лицо — бесклассовые «кролики», масса, тесто, за которым глаз нужен, потому что если по недогляду выбежит... Похоже, что нечто подобное уже происходит. А если так, то браво! — назад уже не затолкнуть!

Фото Василия Шапошникова.

МАЯТНИК

Михаил Чулаки

В КОММУНИСТИЧЕСКИЕ обкомы и тому подобные организации естественный отбор шел по признакам энергичности, конформности, общительности, властолюбия — все эти качества очень полезны не только в коммунистическом бизнесе, но и в бизнесе вообще. Прибавьте к этому знакомства, связи, средства партийной кассы, и станет ясным, что обкомам сам бог велел ныне преобразовываться в акционерные общества. Что и произойдет неизбежно, если только не грянет национализация собственности КПСС. Но при президенте-генсеке подобная участь вряд ли угрожает «партии нового типа».

Обкомы преобразуются в акционерные общества — и коммунистическая идея отделится от них. Значит ли это, что идея погибнет? Разумеется, нет!

Коммунистическая идея впала глубокий кризис, не выдержав испытания властью. Но подобное же испытания — притом властью несравненно меньшей — не выдержало и православие. Православная церковь имела неосторожность срастись с самодержавным государством, сделалась его послушным придатком, министерством религии— и претерпела те же гонения, которые выпали на долю русского самодержавия. Религия была отринута большинством народа, выросло два или три нецерковных поколения — но идея не погибла. Она отстоялась, подремонтировалась, укрепилась новомучениками — и воспряла на наших глазах, как только обозначилось разочарование в коммунистической вере.

Именно — вере. Немногие воспринимали марксизм-ленинизм как науку и меньше всего — профессиональные марксисты, перенявшие у теологов схоластический метод подбора цитат из святого писания. Наука же подразумевает свободу критики и свободу исследований. Марксизм в головах большинства наших соотечественников занимал ту же извилину, которая прежде отведена была религии, и, когда место очистилось, его немедленно вновь заполнила разнообразная мистика — от солидных традиционных конфессий до мелкого религиозного разврата: астрологии, уфологии и т. п. А коммунистическая вера ушла на отстой и ремонт, как когда-то православная.

Сколько продлится ремонт — трудно сказать. Должно вырасти поколение, для кого преступления верных ленинцев — далекая история, все равно как злодейства Ивана Грозного. И тогда коммунизм снова поманит к себе искателей счастья: «свобода... равенство... справедливость...» А вокруг — жестокая жизнь. Потому что рынок — не для слабых. Даже если мы достигнем шведского уровня социальной защищенности, все равно всегда останутся аутсайдеры: менее умные, менее энергичные, просто неудачники. А быть аутсайдером тяжело, даже если раздают даром муниципальную полхлебку. Но кто же признает, что отстал заслуженно, что он глуп или ленив? Виноватым всегда будет казаться общество! И кто утешит таких людей? Торжествующая церковь? Вряд ли она окажется способной на это — слишком она торжествующая. А на соседней улице живет коммунист — человек не от мира сего с просветленным бесплотным взглядом. Стены его комнатки оклеены плакатами, выцветшими и потемневшими, как старые иконы; на плакатах восторженные колонны рядовых тружеников, заполняющие Красную площадь, и сам Сталин, целующий простую девочку... Неудачник войдет в келью к коммунисту, тот откроет свои священные книги... Маятник снова качнется.

Маятник обречен качаться до тех пор, пока человечество будет страшиться свободомыслия, пока нужна ему будет слепая вера. А вера — многим и многим— нужна. Потребность покориться высшему авторитету в детстве совершенно необходима биологически, так как ребенок встает на две ноги, начинает говорить— становится человеком, то есть — только из подражания взрослым: родителям, воспитателям. И в массе своей так и не взрослеет окончательно, только авторитет отца замещается высшим авторитетом — вождя, бога. Видимо, эта массовая детскость — единственный способ поддержания стабильности, так как обеспечивает необходимое послушание большинства, без чего невозможно существование даже самой развитой современной демократии, не говоря уж о режимах тиранических. В нашем перенаселенном мире без массового послушания —а следовательно, и без массовой веры — жизнь общества была бы просто невозможна. Наступит ли когда-нибудь на Земле другая жизнь — просторная, без массового производства, без человеческой иерархии; другая жизнь, в которой каждый сможет стать полностью развитой личностью? Если все-таки да — тогда свободомыслие перестанет быть роскошью, доступной немногим; если нет, если ждут нас впереди еще худшие ужасы перенаселения: вытоптанная земля, мор и глад,— тогда сохраняется всевозможные религии, тогда маятник продолжит свой бесконечный бег на месте — от чаяния к чаянию, от чаяния к чаянию... И тогда возрождение коммунистической веры — впереди.

Письмо в «НГ»

Глубокоуважаемый господин Третьяков!

В «Независимой газете» от 19. 03. 1991 г. я прочитал статью М. Чулаки «Изгнать лицемерие», в которой повесть моего отца, Юза Алешковского, названа «анонимным шедевром, приписываемым, впрочем, Ю. Алешковскому». Представляя интересы моего отца в СССР, я заявляю, что повесть Юза Алешковского «Николай Николаевич» заслго до перестройки была издана в США издательством «Ардис», а в нашей стране, даст Бог, скоро выйдет в альманахе «Весть» и отдельной книгой.

С искренним уважением
А. Алешковский.
25 марта 1991 г.

Без гнева и пристрастия (Тацит)

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ: Клюевский городской Совет народных депутатов

Главный редактор Виталий ТРЕТЬЯКОВ

Редакция
Игорь ЗАХАРОВ, зам. главного редактора
Александр ТЕРЕНТЬЕВ, ответственный секретарь
Дмитрий ОСТАЛЬСКИЙ, отдел политики
Александр ГАГУА, отдел республик
Михаил ЛЕОНТЬЕВ, отдел экономики
Владимир АБАРИНОВ, отдел международной жизни
Андрей ПОЛЕЩУК, отдел «Общество»
Андрей КАРАУЛОВ, отдел искусства
Леонид КОРЕНЕВ, отдел «Дайджест-досье»
Светлана МАСУД, отдел писем
Эрик АДАМУШКИН, издательский отдел
Сергей СМИРНОВ, отдел рекламы
Ирина ДЕНИСЕНКО, заведующая редакцией

Экономический директор Игорь БАРАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 101 000, ГСП, ул. Мясницкая (б. Кирова), 13.

Телефоны:
отдел рекламы 925-17-40
отдел писем 202-41-21
отдел распространения 925-31-80

Тираж 150 000 экз.

Заказ № 1299

Газета набирается и печатается в типографии издательства «Известия»

В 1991 г. газета выходит в Москве по вторникам, четвергам и субботам

Распространяется только в розницу через киоски «Союзпечати»

Журналы

«НЕВА» № 2

Безусловный интерес представляет повесть знаменитого шведского писателя, лауреата Нобелевской премии Пера Лагерквиста «Смерть Агасфера».

Журнал продолжает публикацию романа Феликса Светова «Тюрьма».

Археолог Лев Самойлов в статье «Расправа с помощью права» раскрывает механизм фабрикации уголовных дел против инакомыслящих на примере собственной судьбы.

Тема статьи Т. Никольской — история черносотенного движения в России.

На страницах «Седьмой тетради» — новое об ахматовском Петербурге, предках А. С. Пушкина Ганнибалах, документы допетровской Руси.

«НЕВА» № 3

Начинается публикация романа Б. Ласкина «Вечности заложник» — о драматичной судьбе художника в 20-е годы.

Ф. Светов. Тюрьма. (Окончание романа.)

Поэзия представлена именами Д. Самойлова, В. Шефнера, М. Борисовой.

Статьи А. Матышева «Диктатор» и В. Старцева «Политик и человек» — два противоположных взгляда на личность и деятельность В. И. Ленина.

Герои «Седьмой тетради» — И. Бунин, М. Волошин, Н. Тырса...

«НЕВА» № 4

Начало исторического романа «Именем Ея Величества» В. Дружинина — о борьбе А. Меншикова за власть. Одновременно завершается публикация романа-воспоминания С. Ласкина «Вечности заложник». В цикле произведений зарубежных авторов помещены «Рассказы» Х.-Л. Борхеса. С главами из своей «Книги воспоминаний» знакомит К. Ванщенкин.

Вышли первые два номера ежемесячного бюллетеня «Общественная мысль за рубежом. Книжное обозрение», выпускаемого государственным издательством «Прогресс». Ранее он назывался «Новые книги за рубежом по общественным наукам». В 1991 году объем журнала увеличился с 64 до 96 страниц обычного книжного формата при скромном повышении цены — с 30 до 50 копеек за экземпляр.

Вот лишь заголовки некоторых рецензий и рефератов, помещенных в № 1: «Истощенная сверхдержава. Перестройка и советское военное бремя»; «В экономической системе Горбачева отсутствует важное связующее звено»; «Советский Союз: географические перспективы»; «Сталин обезглавливает Красную Армию. Дело Тухачевского»; «Полумесяц в красном небе. Будущее ислама в Советском Союзе». № 2: «Надвигающийся крах советской системы»; «Желю Желев. Фашизм»; «Устрашение и революция в советской военной доктрине»; «Иржи Динстбир. Мечты о Европе. Политическое эссе».

Если прибегнуть к современному сленгу, то журнал вполне можно было бы назвать «Забугорье и мы» или «Из-за бугра».

Важным достоинством материалов обозрения является информативность и объективистская беспристрастность изложения, хотя еще нет-нет да попадаются такие реликты «идеологической борьбы», как указания на «ошибочность» или «неверность» тех или иных положений (правда, обвинений в «фальсификации» уже нет), что неизбежно влечет за собой многословность, которая в ущерб делу. Разумеется, фактологические уточнения часто необходимы, но именно фактологические, не более того. К чести редакции, в подавляющем большинстве случаев она придерживается именно такого принципа.

Примером солидной работы может служить опубликованная в первом номере шестистраничная рецензия (а скорее — мини-реферат) на книгу Стюарта Кагана «Кремлевский волк. Первая биография Л. М. Кагановича. Нью-Йорк, 1987». Это беллетризованное жизнеописание одного из сподвижников Сталина охватывает период с детских лет до момента политического падения. Особую пикантность книге придает то, что она написана родственником — внучатым племянником Кагановича, а наиболее важная информация предоставлена самим Лазарем Моисеевичем. В предисловии к сочинению С. Кагана помещено письменное заявление под присягой его отца Джеймса Кагана, в котором говорится: 1) он сопровождал своего сына Стюарта в поездке в Москву для организации встречи с Л. М. Кагановичем, 2) большинство сведений, положенных в основу книги, сообщено Л. М. Кагановичем и Моррисом Левиком Кагановичем (двоюродным братом Л. М. Каганича), 3) информация от Л. М. Кагановича была получена в ходе личной встречи с ним Стюарта Кагана в Москве 23 сентября 1981 года в его квартире на Фрунзенской набережной, и беседа велась на идише. Из эпилога книги явствует, что после визита племянника Л. М. Каганович позвонил Брежневу, который ему протежировал, чтобы тот оградил его племянника от возможных неприятностей в Москве.

Книга носит противоречивый характер, пишет автор рецензии. Какой-нибудь сторонник экстремистского крыла «Памяти» мог бы бросить упрек, что издание подобной биографии, учитывая положение в издательском деле в США, было бы невозможно без санкции Всемирной сионистской организации или Всемирного еврейского конгресса. Действительно, в основе психологического анализа личности Кагановича лежит известная советологическая концепция о комплексе самоненависти евреев. Каганович у автора — истый коммунист, истый интернационалист и сталинец, но все эти ипостаси растворяются в его истовом карьеризме, отмечает рецензент.

Иная тема, иной жанр — представление во втором номере книги экономиста Игоря Бирмана «Строить заново». Работа вышла в издательстве Валерия Чалидзе (США) в 1988 году, но как актуальны ее тезисы сегодня! Например:

«Представление, что вожди и высшая бюрократия «все понимают», но держатся за идеологию как средство управления, упрощено. Совпропаганда настолько эффективна, что сами идеологи, какими бы циниками они себя в подпитии ненароком ни выставляли, находятся под ее влиянием».

«Дело не в том, чтобы усовершенствовать марксизм, приспособить его к новым обстоятельствам или даже заменить на некую другую идеологию, а в том, чтобы отделить все идеологии от государственного управления, сделать систему неидеологической».

«Боитесь, что будут воровать? Не без того. А что, лучше, чтобы сгнило: не людям, но и не себе. Все равно воруют с русским революционным размахом и американской деловитостью. Опасаетесь социального неравенства? Так оно едва ли меньше, чем в западных странах. Не хотите утратить контроль, не желаете экономической независимости подданных? Так перестаньте врать и признайтесь — пусть всем будет плохо, но власть не отдадим».

Трудно поверить, что такое отличное издание имеет неправдоподобно малый тираж — 4168 экземпляров! Тому, наверное, есть два объяснения — почти тотальное нелюбопытство и лень отечественного читателя, все заранее всегда знающего, и, вовторых, нерешительность редакции и издательства «Прогресс». Последнее, кстати, входит в финансовый «штопор» (не по причине ли своего свободомыслия?). Не исключено, что «Общественную мысль за рубежом» при ее нынешних более чем скромных возможностях легко смоет нынешняя псевдорыночная волна. Поэтому обращаем внимание потенциальных спонсоров, которым не чужды поиски истины, социальной рациональности, свободы и справедливости. Перед вами редкий случай, позволяющий сочетать холодный расчет со служением идеалам. Потенциал журнала весьма велик, информационная «ниша», которую он занимает почти что в одиночку, перспективна не менее чем на 100 тысяч экземпляров. Сменив название, получив хорошую рекламу и полноценные финансовые возможности «Общественная мысль» вполне может стать бестселлером даже на сегодняшнем малооборудованном журнальном рынке.

А читателям настоятельно советуем, не дожидаясь этих благословенных времен, выписать его хотя бы на пробу (индекс 70634). Вряд ли пожалеете!

Е. А.

SEPT

Совместное СССР - Лихтенштейн Багамские острова предприятие "Инжиниринго-внедренческий центр СЕПТ" Отделение ИнформСЕПТ
109472, Москва, Волгоградский проспект, д.168
тел. 172-97 10, 172-97 11, 172-97 12
SERVICE ENGINEERING PRODUCTION TRADE

СЕПТ предлагает

проблемно-ориентированные программно-технические комплексы на базе персональных компьютеров типа IBM PC XT/AT для автоматизации деятельности организаций и предприятий

УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ

- Материально-техническое снабжение (в том числе ведение складского хозяйства)
- Технико-экономическое планирование и техническая подготовка производством
- Управление сбытом и контроль реализации продукции
- Планирование и учет реализации запчастей и комплектующих
- Оперативное управление производством
- Учет кадров

БУХГАЛТЕРСКО-ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Учет основных средств и материалов
- Ведение кассовых операций (счет 50)
- Ведение операций на расчетном счете (счет 51)
- Расчет заработной платы (включая функции табельщика-нормировщика)
- Ведение расчетов с дебиторами/кредиторами и поставщиками/подрядчиками

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ

- Метрологическая служба предприятия
- Учет грузовых автоперевозок
- Учет технического состояния и размещения оборудования
- Сопровождение страховых полисов
- Управление общественным питанием
- Контроль исполнительской дисциплины
- Организация личного распорядка

СЕПТ выполняет

- Разработку новых систем "под ключ"
- Адаптацию под условия пользователя
- Обучение и годичное сопровождение

Аллюзии

НОЧЬ ГЕНИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Никита Богословский

НАПОЛЬНЫЕ часы пробили два. Он бродит шаркающей походкой взад-вперед по своему кабинету. Тапочки мягко шуршат по ковровому ворсу. На лице печать сосредоточенного раздумья.

— Ну, слава Богу, первую книгу многотомника можно считать законченной. Вышло, вроде, неплохо. И как я был прав, что не слушал всех этих непрошеных советчиков, надоедливых подсказчиков, тупых редакторов! И отгоняя услужливых литературных «негров». Сам, только сам! Уверен, знатоки оценят мой литературный дар, манеру изложения, творческий почерк, как обычно, узнают даже по одной фразе. Да, вроде получилось! И по форме стройно, и сюжет впечатляет, и правда сказана. И с «золотым сечением» все в порядке — недаром с Розановым сверялся. Дай Бог, и на «государственную» потяну. А вдруг даже на Ленинс... Ну, хватит, старик, умерь свое честолюбие...

— Что же осталось? Ах да, эпиграф... Может, что из древних?.. Как там, у Тацита:

Est Locus. Hesperiam Gracchi congomine vicunt,
Piccola Terra, potens armis, atque ubere Gleba.

И неплохая аллитерация, а? «Цитата из Тацита»!.. Хотя при чем тут Геспериды со своими садами? Да и Гракхи выглядят неуместно. Тогда причиним Горация, у него, помнится, есть подходящие строки:

Quid tempestates autumni fidera dicam? Que vigilanda Viris? Vel cum ruhit imbriferum Ver?

— Да нет, пожалуй. Ни осень, ни цветущая весна тут ни при чем. Тем более что нынешний читатель первоисточников и не знает. Что им Бергилий (кстати, надо перечесть), Тацит, Гораций, Сенека, Софокл? Даже петрониевский «Сатирикона» не читали! Не тот народ пошел. Ладно, тогда поближе к современности. Поискать у французов, что ли? Так: — Верлен, Бодлер, Малларме... Ага, вот это неплохо: — мой любимый Вилье де Лиль-Адан. И строчка подходящая: «Это пламенная искра, погасившая жестокость». Хотя, впрочем, почему иностранцы? Конечно, нужен наш, русский эпиграф. Правда, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок — все они на это дело порастасканы. А что если попробовать раннего Бунина? Это посвежее будет, тем более всего наизусть помню. Ну, хотя бы вот это, девяностых годов:

Могилы, ветряки, дороги
и курганы —
Все смерклось, отошло
и спряталось из глаз.

— Да нет, мрачновато для моей оптимистической книги. А, впрочем, зачем вообще эпиграф? Он может отвлечь от главной идеи моего монолита. Черт с ним, обойдусь...

А тираж будет все же, увы, не ахти. Мой парадоксальный склад мышления, гипертрофированная метафоричность, как сказал бы Шкловский, «южнорусской школы», излишне обширный для массового читателя словарь, сложный ассоциативный ряд, необычность конструкции с перебросами времени и места действия, а также насыщенный диалектизмами язык — не позволят мне после выхода книги рассчитывать на крупный гонорар. Ну ничего, как-нибудь проживем! Дочурке давно обещал недорогое колечко, да и зятька надо малость приодеть — который год в одном замошенном костюмчике мается...

— Ну, а теперь, наконец, название. «Записки участника» — плохо. Сразу аллюзия с Тургеневым: «участника — охотника». Тут надо еще поразмышлять...

Он подходит к письменному столу — на нем лежит аккуратно перепечатанный Первый Экземпляр. Перелистывает страницы и опытным глазом замечает, что в соседних фразах близко стоит одно и то же слово: «сказал». — Надо поправить! «Изрек» — иронично, обидно для персонажа. «Вымолвил» — старомодно. «Произнес» — сухо, выспренне. — Меняет «сказал» на «заметил», закрывает рукопись и задумчиво глядит на девственно чистый титульный лист. — Как же все-таки назвать этот плод его бессонных ночей, мучительного напряжения ума и таланта? Книгу, написанную кровью сердца?

И вдруг его осеняет. — Ура! Нашел! Конечно, Тацит! Два слова всего: «Piccola Terra»! Но, конечно, в русском переводе.

И на титульном листе он выводит дрожащим старческим почерком: «МАЛАЯ ЗЕМЛЯ»...

Исторический календарь «НГ»

2 АПРЕЛЯ

1613 — Костромской крестьянин Иван Сусанин спасает жизнь новоизбранного царя Михаила Федоровича Романова. О подвиге Сусанина вспомнили 200 с лишним лет спустя, в период утверждения официальной теории «самодержавия, православия, народности».

3 АПРЕЛЯ

1851 — Сенат постановил лишить А. И. Герцена всех прав состояния и считать его навсегда изгнанным из России.

1922 — Пленум ЦК РКП(б) «по предложению Ленина избрал генеральным секретарем самого лучшего и верного ученика и соратника Ленина — Сталина» (согласно авторизованной «Биографии И. В. Сталина»). И сегодня такая формулировка признается как единомышленниками Н. А. Андреевой, так и широкими кругами демократической общественности.

Редакции «Независимой газеты» требуются на постоянную работу уборщики помещений. Заработная плата по договоренности. Звонить по телефону 928-56-00

Телевидение

Среда, 3 апреля

«Человек и закон» (I пр., 21.45). «Вандализм» — бессмысленно жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей, варварство. (С. И. Ожегов. Словарь русского языка).

Авторы этого выпуска правового видеоканала решили, что не только насилие в отношении истории и культуры подпадает под понятие «вандализма», но и всякая бессмысленная жестокость. Они провели небольшой социологический опрос, в ходе которого выяснилось, что множество людей, или подвергавшихся варварскому к себе отношению, или наблюдавшие его, тем не менее и слова-то «вандализм» не слышали. Впрочем, дело не в понятии как таковом. Разбитые вдрызг телефонные будки на улицах Красноярска, изуродованная тайга на берегу Ангары, дети, избитые собственными родителями, ревнивец, сжигающий склад медицинского оборудования, на котором работала его жена,— все это явления, по мнению авторов, одного порядка.

Итак, человек в этом выпуске будет представлен, пусть несколько односторонне и со стороны не самой симпатичной. А закон?

С. Ф.